

Михаил Поляков

Грудинин

Роман

Михаил Поляков

Грудинин

«Издательские решения»

2015

Поляков М. Б.

Грудинин / М. Б. Поляков — «Издательские решения», 2015

Бизнесмен Алексей Грудинин живёт по принципу «кто сильнее, тот и прав». Однажды ночью, возвращаясь на машине с шумного праздника, он сбивает на заснеженной московской улице ребёнка. Происшествие получает огласку, и Грудинин, несмотря на свои связи и деньги, оказывается в колонии. Там ему предстоит пройти длинный путь от нравственной деградации к моральному перерождению. Этот психологический роман, написанный в лучших традициях русской классики, не оставит равнодушным никого.

© Поляков М. Б., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	8
III	13
IV	18
V	23
VI	27
VII	30
VIII	35
IX	38
X	42
XI	44
XII	46
XIII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Грудинин
Роман
Михаил Поляков

© Михаил Поляков, 2015

© Михаил Борисович Поляков, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая

I

9 марта 20** года камера для арестантов, получивших приговор суда, или осуждёнка, как говорят заключённые, одного из московских следственных изоляторов, была переполнена. Всюду – на нарах, покрытых выцветшими покрывалами, металлических лавках вдоль стен вплотную сидели люди. С утра ждали начала распределения по колониям, но конвоя всё не было. Главный вопрос, живо теперь интересовавший всех, был – какой назначат конвой – вологодский, о жестокости которого к осуждённым ходили легенды, или – спокойный московский?

– Этих же из Вологды – как собак натаскивают на людей, – угрюмо говорил невысокий арестант, с прямой как черенок лопаты спиной и тёмным, словно прокопчённым лицом. – Взглянул не так, стоишь не так – на землю валят и мочат сапожищами. На прошлой неделе, я слышал, труп был. Вели партию, один свалился, а они давай его пинать. Ну и кердык.

– На Минском это было? – спросил его другой заключённый – огромного роста мужчина, с красным лицом. – Я тоже слышал. Его волокли потом мёртвым по этапу. Этот?

– Этот...

– А что же не пожаловались родные? – после паузы, видимо собравшись с силами, произнёс интеллигентного вида бритый сорокалетний мужчина в застёгнутом чистом пиджаке. – Сейчас же, кажется, внимательнее к этому стали. Аттестация прошла, горячие линии работают. Да можно и в прокуратуру, и в Следственный комитет обратиться.

Маленький арестант с дрожащей на губах желчной улыбкой с минуту смотрел на него, вероятно, выдумывая оскорбление. Но так ничего и не сказав, махнул рукой и отвернулся в сторону.

Наступило молчание. В тишине – холодной, влажной, довлеющей, отчётливо слышно было тихое поскрипывание раскачивающегося под потолком металлического колпака лампы. Движущийся свет скользил по лицам и фигурам арестантов и они – старые и молодые, полные и худые, угрюмые и – напоказ, истерично весёлые, казались серыми и одинаковыми в его тусклых лучах.

В самом углу, возле наваленных в кучу мешков с бельём, помеченных красными ярлыками, сидел один заключённый – мужчина лет тридцати пяти – сорока, с живым и умным, но усталым и осунувшимся лицом. Некоторое время любопытствующим ироничным взглядом наблюдал он за говорящими, затем откинулся на спину, так что его голова и плечи вышли из света лампы и скрылись, увязли в темноте, и, сложив руки на груди, закрыл глаза. Надо было воспользоваться минутой и поспать – он уже привык дорожить сном. Но сон не шёл. Воспоминания – жаркие, уродливые – синими молниями засверкали перед его внутренним зрением. В одной сцене видел он себя – смешливого и жизнерадостного, с искрящимся бокалом шампанского в руке, вытянутой над столом, уставленным бутылками и закусками, за которым собрались его друзья и знакомые. То было замечательное мгновение его жизни, пик славы, минута торжества. В другой сцене была ночная улица, освещённая лимонным светом фонаря, обледенелый, занесённый серой как пепел порошей асфальт. И – двенадцатилетняя девочка, залитая кровью, в расстёгнутом пальтишке, лежащая в уродливой неестественной позе, с бес- сильно раскинутыми руками и подвёрнутой под спину ногой. Затем были слепящие глаза фотовспышки, жёлтые облупленные стены казённого здания, и – страшная сумасшедшая, оборванная, грязная, кричащая и тянущая к нему длинные высохшие руки с синими, отчётливо выделяющимися струнами вен... Тяжелее же этих воспоминаний был один вопрос, всегда при-

ходивший вместе с ними. Вопрос, до сих пор не разрешённый, нос каждым днём, с каждым мгновением всё настойчивее и упрямее требовавший ответа...

Зовут этого человека Алексей Андреевич Грудинин. В недавнем прошлом он – успешный предприниматель, владелец нескольких квартир, сдаваемых внаём, парикмахерской и продуктового магазина. Как бы удивился он, если бы полгода назад, когда он сидел в заполненном светом стеклянном зале Bosco Café, выбирая вино из поднесённой тонким предупредительным официантом карты в деревянной обложке, или, устроившись на кожаном диване в полутёмном кабинете магазина «Меркьюри», потягивал коньяк, просматривая каталог часов, – как бы удивился он, если бы ему сказали тогда, что он окажется тут – в сырой камере, в окружении преступников, с вооружённым часовым возле обшарпанной железной двери... И ещё больше удивился бы он тому, что не только теперь не изумляется своему положению, а словно понимает и осознаёт некоторую закономерность, даже логичность его, такую, *как будто иначе и быть не могло*.

В который раз перебирая в уме, анализируя воспоминания, начинал он с одного случая. Этот случай, который он относил тогда к разряду тех мимолётных происшествий, что забываются через день или два, не только не исчез из памяти, но словно бы стал центром воспоминаний, некой опорной точкой, скрепляющей последующие события, приведшие его за решётку, вокруг себя. И что-то совсем не забавное, не весёлое, а жёлто-унылое, отчаянное и грозящее виделось ему теперь в нём. Это воспоминание истомило его, выело ему душу, до нитей истрепало нервы, и он не мог больше держать его в себе, думать о нём. Но страшнее было – не думать.

II

Он часто после удивлялся, что не помнит конкретного числа, когда произошла эта история, хотя сама она с чрезвычайной, звенящей резкостью отпечаталась в его памяти. Помнил он разве, что был конец сентября, и был вечер одного из тех душных осенних дней, когда солнце светит с такой отчаянной силой, словно не желает упускать ни мгновения из того времени, когда оно ещё способно раскалять воздух и жечь землю. Он, надушенный чем-то приятным, какой-то новой туалетной водой (сейчас, в камере, ему особенно приятно было вспомнить и по слогам произнести её французское название), в золотых часах, выставленных из-под белого рукава итальянской рубашки, в расстёгнутом пиджаке и замшевых туфлях, вышел из дома. Задачи в этот день были две – заехать в налоговую инспекцию и уладить формальности с отчётом за последний год, и – собрать квартплату с жильцов. Последнее, хотя это и хлопотно было, он всегда делал сам, не поручая помощнику.

Налоговую, где дела было немного, он отложил на потом. Теперь же, устроившись в приятно охлаждающем спину кожаном кресле автомобиля, нажал на кнопку запуска двигателя, и поехал за квартирной платой. Квартир было четыре квартиры. Две – в Москве – на улице Льва Толстого и на проспекте Мира, и остальные две – в подмосковных городах Химки и Мытищи. Московские квартиры, приносящие основной доход, были чистые и спокойные. Их жильцы, платившие по шестьдесят тысяч в месяц, сменялись часто, но все были – солидные обеспеченные люди, с которыми никогда не возникало проблем. Совсем иначе дело обстояло с остальными двумя – дешёвыми квартирами. Их наниматели ругались друг с другом и соседями, шумели по ночам, портили мебель, заливали нижние этажи. Главное же – задерживали квартплату. В одну из этих квартир, мытищинскую, и направлялся Грудинин. Туда он ехал с особым удовольствием – сегодня кончался один срок, назначенный месяц назад... Вспоминая о том, что предстоит в связи с этим, он не мог удержаться от улыбки, которая как судорога время от времени дёргала его тонкие, не привыкшие улыбаться губы.

Доехав до места назначения, он поставил машину во дворе, возле изрисованной подростками стены. Затем направился к ближайшей палатке и купил там бутылку вина – первого, что заметил на витрине. Не касаясь обожжённых перил, поднялся, перешагивая через две ступени, на третий этаж и надавил кнопку звонка возле первой на площадке двери, обитой кое-где ободраным и залатанным заплатами другого цвета дерматином. За дверью сухо зашаркали шаги и простуженный старушечий голос спросил: – Кто там?

– Хозяин. Открывайте! – сказал Грудинин нарочито строгим голосом.

Дверь дёрнулась, заскрипела, несколько раз тренькнула торопливо и неловко снимаемая цепочка, и на порог вышла низенькая старуха в своём коричневом платье, с выцветшим платком, накинутом на, видимо, зябнувшие, как-то вовнутрь вогнутые плечи, похожая на большого жука.

– А, Алексей Андреевич, – сказала она, вытягиваясь возле косяка и пропуская гостя мимо себя. – Сюда, сюда, – показала она дорогу в кухню.

– А где?... – спросил он, идя за старухой.

– Она сейчас придёт, – сказала та, с намёка поняв вопрос. – В магазин, за печеньем пошла. А вы пока проходите на кухню, чаем, чайком вас напою.

– Ну что, новых потопов-то не было? – спросил он, усаживаясь на скрипнувший, как, видимо, всё скрипело в этом доме, стул, и хозяйским взглядом окидывая кухню, особенно верхний угол у окна, где были вылинявшие и отставшие после недавней аварии обои. – Коммунальщики-то тогда до соседей доехали?

– Ох, слава Богу, доехали, доехали. – ответила старуха, доставая с полки чай в металлической банке и две старые, с синими узорами, чашки. – Дверь ломали, а то бы они и нас залили, и Феоктистовых. А у тех-то недавно ремонт был. Вчетвером сантехники воду откачивали.

– Ну, понятно. А сами-то вы как? Как здоровье ваше?

– Ничего, всё хорошо, уже намного лучше, – сказала она, и Грудинин, внимательно наблюдая за ней, с удовлетворением заметил, что её глаза при этом вопросе заблестели хорошо знакомым ему взволнованным блеском. Заметив его взгляд, она, словно спохватившись вдруг, обернулась к плите и захлопотала возле чайника.

– Ну а как дела у дочери? – спросил он, стараясь казаться спокойным. И, несколько повременив, задал больше всего интересующий его вопрос: – Василий-то – не вернулся?

– Нет, нет, не вернулся пока, – сказала старуха, сразу угадав цель вопроса и, повернувшись, пытливо посмотрела на него и торопливо сказала: – Он через месяц вернётся, Лена говорит, нашёл работу, зарабатывает. Вот чай, пейте, пожалуйста

«Врёт все», – подумал Грудинин, принимая из её дрожащих рук чашку.

Василий был гражданским мужем 23-летней Елены, дочери старухи. Года полтора назад они приехали в Москву из глухого сибирского города, расположенного в пяти сотнях километров от Иркутска. Год все шло хорошо, Василий устроился завскладом на овощебазу, Елена по профессии – учителем в школу. Но вдруг он пропал – и, как выяснилось, навсегда – через друзей узнали, что он уехал в Тверь и собирается жениться. Незадолго до того случилось другое несчастье – мать Елены – Надежда Васильевна, простудившись, серьёзно заболела и на лечение, а также – на найм сиделки, покупку лекарств – ушли последние деньги, ещё остававшиеся от продажи квартиры в Сибири. Елена устроилась на вторую работу – ночным менеджером в салон сотовой связи, но и это не исправило ситуацию. Зная о происходящем, Грудинин начал чаще заходить в гости к семье, где засиживался допоздна. Он словно ждал чего-то. А, не дождавшись, – сам стал делать намёки. Елена первое время как будто не понимала их, а когда он попробовал форсировать события, пригласив её в кафе и почти прямо сказав о том, что хочет от неё, – жёстко отказала. Не было ни сцены, ни скандала – между ними вообще установились ровные, внешне официальные и даже уважительные отношения. Но, позвонив при Грудинине подруге, она заговорила вдруг о каком-то «плешивом козле», который надо едаёт ей. Грудинин всё понял, взбесился, но виду не подал и продолжал дожидаться. Ждать пришлось недолго, уже через месяц деньги совсем закончились. Он хотел было немедленно рассчитаться за обиду, приготовив даже несколько резких фраз, которые со смакованием всю неделю до встречи повторял про себя. Но как-то нечаянно, почти неожиданно для самого себя, в последний момент удержался от мести. Вместо этого он назначил новый срок для внесения арендной платы «любым удобным способом». Этот срок подходил сегодня, и Грудинин был уже почти уверен в положительном исходе: недели за две до того Елена вдруг начала писать ему на мобильный телефон сообщения с пустяковыми вопросами о том – как идут дела и проч., и раза два звонила по надуманным поводам, – и он успевал каждый раз заметить в её голосе какую-то прежде неизвестную ему заискивающую робость. Очевидно было, что птичка в клетке, оставалось захлопнуть дверцу...

Существовало, правда, одно препятствие, мешавшее в полной мере насладиться ситуацией. Этим препятствием был BMW X6M прошлого года выпуска, с пробегом в шесть тысяч километров, который выставил на продажу по невысокой цене – за четыре миллиона против салонных пяти с половиной знакомый Грудинина Фёдоров. На машину, на которую Грудинин копил больше года, в свете других трат – главное – перестройки магазина, отнимавшей большую часть времени и денег, нужна была каждая копейка. И принимать оплату «любимым удобным способом» было опасно – это ставило под угрозу покупку. Впрочем, у него была одна мысль о том, как повернуть дело и без угрозы для машины...

Он почти допил чай, когда сипло взвизгнул дверной звонок. Старуха, всё это время молча сидевшая, уныло искоса поглядывая на Грудинина, с трудом поднялась с места и своим медленным шаркающим шагом пошла в прихожую. Там слышались звуки открываемой двери, стук каблучков по паркету и шум целлофана.

– Мать, убери, ну что ты тут мешков своих каких-то наставила. – услышал Грудинин звонкий голос Елены. – Этот-то, козлотур сегодня приедет, я же говорила тебе.

В ответ послышался неразборчивый быстрый шёпот старухи и оба голоса утикли. Через минуту на кухню вошла Елена в коротком плащике, обеими руками снимая резинку и распущая собранные в хвост пышные русые волосы – высокая, тонкая – такая, о какой он мечтал и какой помнил её с прошлой встречи.

– Вас мать-то не пригласила в зал? – смущённо улыбаясь, сказала она, по лицу его пытаюсь угадать – слышал ли он разговор в коридоре. – Пойдёмте, там накрыто.

В зале действительно был накрыт стол с закусками и, что удивило Грудинина, – с водкой. У женщин он не ожидал увидеть водку. Сели за стол. Старуха, насадив на вилку картошку и несколько грибков, с усилием, как каменное, проглотила съестное, как-то умоляюще поглядывая на дочь. Та, напротив, старалась не смотреть на неё. Затем старуха встала и, упавшим голосом извинившись, ушла к себе. Это показалось Грудинину хорошим знаком. Сразу после ухода матери началась беседа. Говорила больше Елена. С какой-то прежде у неё небывалой и даже неестественной откровенностью, она рассказывала о школе, где работает, о том, как мало платят, как тяжело с детьми и проч. Грудинин, сдерживая улыбку, коротко отвечал ей в заранее приготовленном сочувственном, почти отеческом тоне, виртуозно удерживаясь на той грани сочувствия, на которой он был бы и тактичен, и не подал бы излишних надежд. Он ждал главного, – при этом не желая подступать к нему сам, а дожидаясь с радостной нервозностью, её собственных намёков. Эти намёки, которые он давно, ещё с того момента как услышал «плешивого козла», предвкушал, были для него главным удовольствием вечера. Елена много пила, и пила по-мужски – большими глотками, часто подливая из бутылки.

«Пьёт много. Двадцать три года, а уже под глазами мешки, – думал Грудинин, жадно и нетерпеливо осматривая её. – Если так у неё пойдёт, через три года совсем опухнет, как бомжиха будет».

«Но, это ещё когда, – сказал он себе. – А сейчас ничего ещё, ничего. Все же двадцать три года, двадцать три года. Молодая, нерожавшая...»

«Молодая, нерожавшая», – смакуя, повторил он, чувствуя приятное напряжение, горячей волной опускающееся от груди к животу.

– Да ты не волнуйся, ничего, – подрагивающим голосом сказал он ей. – Это пройдёт. Найдёшь ты работу нормальную. И в личном все образуется, – выдержав паузу, прибавил он низким многозначительным тоном.

– Эх, если бы... Нам уже теперь не на что жить, маме лекарства нужны, а что тут соберёшь?

Он промолчал.

– Если бы только пару месяцев не платить за квартиру...

Она выговорила эту последнюю фразу через силу, пряча глаза, но, произнеся её, вдруг резко подняла голову и открыто посмотрела на Грудинина. Этого-то он и ждал, этот синий робкий молящий взгляд отплатил ему за все. Прежняя остроумная мысль, которую он вынашивал весь этот месяц, снова блеснула перед ним...

– А давай потанцуем! – сказал он вдруг, решительно и резко вставая из-за стола.

– Да, давайте, – улыбнувшись, ответила девушка, не отводя взгляда от его лица, ища на нем ответа на свой вопрос. – Только секунду подождите.

– Мама, мама! – крикнула она раздражённым истеричным голосом, противоположным тому, которым говорила за мгновение до того. В соседней комнате слышались возня, скрип

кровати, и через минуту на пороге комнаты появилась старуха в расстёгнутой кофте. – Возьми вот денег у меня в плаще, в левом кармане, сходи, купи... конфет купи.

– Да каких же конфет, – начала говорить умоляюще-плаксивым голосом старуха, больше глядя на Грудинина, чем на дочь. – У нас ещё и печенье есть, и пирожные. Торт остался яблочный, а если хотите...

Елена обернулась и пристально посмотрела на неё. Старуха с приоткрытым ртом обрвалась на полуслове, быстро замигала глазами как потерянная, и, видимо, не найдя что сказать, вышла. Дождавшись, когда окончится возня в прихожей и за старухой захлопнется дверь, Елена как по сигналу решительно встав с места, включила старый проигрыватель, стоявший на лакированном столе у двери, и подошла к Грудинину.

– Ни от кого помощи нет, – робко сказала она, под тихие звуки музыки кладя тонкую твёрдую руку ему на плечо. – Никто не помогает.

– Ничего, ничего, – ответил он, с удовольствием чувствуя дрожь её тела под своей ладонью. И, выдержав паузу, прибавил, твёрдо взглянув ей в глаза. – Я помогу.

– Правда? – спросила она, ищущим взволнованным взглядом отвечая на его взгляд.

– Да. Все у вас наладится. Я добра вам желаю

– Я тебе верю.

«И ведь правду говорит. Совершенно искренне верит, – подумалось Грудинину. – Только был козел плешивый, козлотур, а теперь, в эту самую секунду искренне верит, хочет, главное, верить. Знает же, понимает зачем пришёл, что нужно – а верит».

Он иронично-зло усмехнулся про себя.

– Всё хорошо, – повторил он, одной рукой обнимая её, а другой – расстёгивая пуговицы на её рубашке. – Все хорошо будет.

Она отстранилась на секунду, ещё раз посмотрела ему в глаза своими широко открытыми синими глазами и вдруг решительно, словно откинув последние сомнения, поцеловала его в щёку. Он крепче обнял её и приоткрытыми губами нашёл её губы.

... Через полчаса она провожала его в коридоре.

– Так как насчёт... квартплаты? – спросила она, краснея.

– Нормально все. Живите, – сказал он, глядя её по волосам.

– Сколько, месяц ещё? Я за месяц заработаю, как раз зарплата, а потом мне пришлют, может быть, денег, я тётке написала...

– Сколько хотите живите.

– А бумаги никакие не нужны?

– Нет, ничего не надо, – сказал он.

– Спасибо, Алексей... – начала она по имени и отчеству, но как будто осеклась, вспомнив только что случившееся, и остановилась на одном имени.

На лестничной площадке он столкнулся со старухой. Она бросила на него взволнованный быстрый взгляд, и тут же, словно устыдившись этого, резко отвернулась. Пропустив его мимо себя, она не зашла в квартиру, как будто какая-то сила удерживала её на месте. Всё время, пока он дожидался лифта, она молча стояла, вся сжавшись и опустив голову, словно ожидая удара.

Теперь оставалось ещё одно удовольствие, та самая остроумная мысль... Сев в автомобиль и выехав на Ярославское шоссе, Грудинин достал мобильный телефон и набрал номер Александра, своего личного помощника.

– Саша, привези завтра... Нет, послезавтра ребят из «Инком-недвижимости», пусть покажут жильцам мытищинскую квартиру.

– Хорошо... Послезавтра я на встрече с утра. В полвторого, нормально?

– Да, хорошо.

– А она пустая? Там ведь, вроде жильцы ещё есть. Фадеевы, кажется?

– Фадеевы, да. Нет, должны будут уже уехать.

- А если они ещё там?
- Скажи, что хозяин сказал, Грудинин, мол, сказал – пусть съезжают.
- А скандала не будет?
- Какой скандал, никаких оснований там находиться у них нет. Полицией пригрози.
- А если сопротивляться будут?
- Что ты все: «если бы, да кабы». По закону действуй. Документов у них нет никаких, всё им объяснено.

Он положил трубку и, выехав на свободную полосу, вдавил в пол педаль газа.

III

...Лязгнул металлический затвор двери, и, гремя ключами на кожаном ремне, вошёл охранник, впустив из коридора холодный, с резким запахом краски воздух. За охранником вступил невысокий сутулый капитан со сморщенным как груздь коричневым лицом, привёзший партию и знакомый Грудинину с утра.

– Литвак, Антоненко, Масурин. Встать! – произнёс он скрипучим простуженным голосом, раскачиваясь на носках и на каблуках. Что-то выразительное было в его вальяжной непринуждённости, слишком свободной манере держать себя. Казалось, ему нравится мысль о том, что он, маленький слабый человек находится в одной комнате с опасными сильными преступниками, и не только не опасается их, но они сами находятся в его полной власти. Заключённые внимательно, исподлобья, наблюдали за ним из своих углов. Те, кого он называл, один за другим поднимались с мест, и, опустив головы, неловко толкаясь, выстраивались в шеренгу вдоль лавки, заводя руки за спины.

– Сухоедов, Деревянко, – продолжал капитан, обводя медленно строящихся арестантов тусклым взглядом своих водянистых глаз. – Что, все что ли? На выход. Деревянко, руки за спиной держи! – крикнул он, выходя последним.

Дверь с тем же ржавым лязгом захлопнулась за ним.

– Снова не вызвали... Так какой конвой – московский или вологодский?

Грудинин откинулся спиной к стене и несколько секунд провёл в напряжённом безмыслии. Вдруг почувствовал, что что-то острое давит ему в плечо, и потрогал стену – то был засохший кусок краски. Привстав, он изменил позу, стараясь не потревожить соседа слева – высокого молодого парня с длинным рябым лицом, на котором как маска застыло безразличное, каменное какое-то выражение. Затем глубоко вздохнул, скрестил руки на груди и опустил голову. Звуки дыхания заключённых, их прерывистое перешёптывание, шаркающие шаги охраны в коридоре, шелест насекомых, вьющихся возле лампы – всё сливалось в плотный ритмичный гул... Тени на полу скрещивались, напоздали друг на друга, и постепенно объединялись в одно, с неразличимыми краями, пятно. Веки Грудинина всё плотнее слеплялись дремотой, и он начал уже проваливаться в тёплую мягкую пустоту... Вдруг в камере кто-то сухо и резко раскашлялся и он, вздрогнув как от укола иглой, открыл глаза.

Мысли, мысли... Всё те же надоевшие, опостылевшие мысли... Что дальше? Да, Лена. Приехав в свой офис, он увидел её – сидевшую на скамейке перед входом. Он решил переждать кризис, пропустить в этот раз работу и проехал мимо, не останавливаясь. Она не заметила его. Но на следующий день он застал её там же. В этот раз он позвонил знакомому полицейскому начальнику и попросил прислать патрульный наряд. Припарковавшись на другой стороне шоссе, он издали видел, как старший наряда – весёлый усатый лейтенант в заломленной на лоб фуражке, отпивая квас из литровой бутылки, что-то объяснял ей, часто кивая головой, как будто призывая соглашаться с тем, что он говорил. Затем двое патрульных взяли её под руки, и повели к машине. Она шла, оглядываясь назад, на дверь офиса, и бессильно, как тряпичная кукла, дёргалась в их руках. Перед самой дверью она вдруг остановилась и заговорила, что-то энергично доказывая. Но вдруг – понурила голову, успокоилась и покорно села на заднее сиденье полицейского «Форда».

Он думал, что эта история окончена, но через некоторое время она вновь напомнила о себе. Было это через месяц, когда отсверкали уже последние лучи бабьего лета, последний раз на Москву дхнуло летним зноем, начались холодные дожди и жидкие серые туманы ранними вечерами застелились по улицам. В один из таких вечеров он приехал в офис и, оставив машину в дальнем, заваленном рыжими листьями углу двора, по лужам и чмокавшей под ногами глубокой грязи, дошёл до подъезда. Он простудился, вымок, его брюки были забрызганы грязью,

за шиворот заливалась вода, но, несмотря на это, он был в хорошем настроении. В этот день у него состоялась долгая встреча с Сергеевым, владельцем автомобиля, который он намеревался купить. Осматривая его и торгуясь, он сбил цену намного ниже, чем ожидал – почти на триста тысяч рублей. Кроме того, был назначен окончательный срок совершения сделки, который благодаря скидке сократился на два месяца и пришёлся на начало декабря. Войдя энергичным шагом в помещение, он только успел повесить плащ, оббить от грязи ботинки о коврик в прихожей и усесться за свой огромный дубовый, уставленный массивным бронзовым литьём стол, как дверь резко распахнулась, и из соседнего кабинета зашёл, видимо, ожидавший его Саша...

...«Саша, Саша, – повторил он про себя, крепко стиснув зубы. Даже сейчас, по прошествии нескольких месяцев, он не мог без ненависти вспоминать его. И он знал, что сколько бы ни прошло времени, эта ненависть не исчезнет. Саша был его двоюродным братом, которого за два года до описываемых событий он взял к себе в помощники. Это был двадцатитрёхлетний молодой человек – высокий, узкоплечий, наголо стриженный, с самоуверенно-весёлым лицом и угловатыми резкими движениями. Работал он хорошо, разобрался в налогах, завёл даже какую-то электронную систему учёта документов. В первые месяцы работы Грудинин возлагал на него большие надежды, думал привлечь его к бизнесу, а после – даже поручить ему управление одним из магазином, но этим планы так и не осуществились. Саша, несмотря на всё своё усердие в том, что касалось его непосредственных обязанностей, делом интересовался как-то мало. Грудинин перепробовал всё – пытался увлечь его деньгами, поручая ему такие задачи, с выполнения которых он мог иметь свой процент, нарочно давал ему работу, требующую творческого подхода – размещать товар на полках, придумывать рекламу, и всё в этом роде. Саша делал всё чётко и быстро, но без души. Что бы ни было ему поручено, и сколько бы ни давало это поручение дохода ему лично, он всегда приходил на работу в десять утра, и оканчивал её в шесть вечера. Грудинин не мог понять – что в нём не так, и однажды, как бы между делом завёл с ним разговор по душам. А побеседовав, оставил свои планы в отношении молодого человека. Выяснилось, что Саша состоит в каком-то непонятном Грудинину политическом кружке – и то ходит на пикеты, защищая дом в Козихинском переулке (эта история тогда только начиналась), то выступает на митинге в защиту Химкинского леса, то расклеивает какие-то листовки. Не то что бы Грудинину всё это было чуждо и непонятно, напротив, как каждый буржуа средней руки, потрепанный налогами и поборами, он сочувствовал каждому выступлению против власти. Но в целом он считал все эти занятия глупыми, бесцельными и не заслуживающими серьёзного внимания. С этого момента он отвёл Саше ту полку в своём сознании, которая отводилась взбалмошным и неделовым людям, вечным неудачниками, занятыми борьбой за справедливость, свободу и проч., за что, по мнению Грудинина было глупо, наивно, а, главное, несолидно бороться. И, отнеся Сашу в эту категорию, он забыл о нём.

«Перебеситесь, вот тогда посмотрим», – говорил он себе, если вспоминал о прежних в отношении него намерениях.

...Войдя, Саша положил на стол сложенный вдвое лист, сел в кожаное, обитое медными гвоздиками кресло перед столом и, скрестив руки на груди, решительно посмотрел ему в глаза.

– Что такое? – спросил Грудинин, отвечая на его взгляд. – Это ты что принёс?

– Заявление. Увольняюсь от тебя.

Грудинин взял листок, быстро пробежал его глазами и положил обратно на стол.

– А с чего ты увольняешься, можно узнать? – спросил он, напряжённо улыбаясь. И, откинувшись на спинку кресла, сцепил руки замком на животе.

– Полицейский сегодня приходил. Расспрашивал – жили ли у нас Фадеевы? – зло сказал Саша.

– Зачем? – спросил Грудинин, нахмурившись.

– Затем, что Лена Фадеева на вокзале сейчас живёт. Мать её в Пятой Градской лежит, а она на Ярославском вокзале ночует. Документы потерялись – ни на работу устроиться, ничего. Полицейские личность устанавливали, и обратились к нам.

– Ну так и что же?

– А то, что я на Ярославку съездил, в отделение полиции, и поговорил с ней. И всё она мне рассказала.

– Что рассказала?

– Да всё, всё. Про то, как ты ей обещал, что жить позволишь, а потом...

– Ну и что?.. – деланно-безразлично спросил Грудинин.

– А то, что... Да то, что поступать так... по-скотски как ты... с людьми нельзя! – выплёвывая слова сказал Саша, не отрывая от него гневного взгляда.

Грудинин встал, дошёл до лакированного серванта в углу кабинета, взял двумя пальцами за горлышко бутылку коньяка, качнул её из стороны в сторону, наблюдая как тяжело плещется в ней густая жидкость. Налил до половины короткий фужер и с ним в руке вернулся за стол. Саша всё это время внимательным блестящим взглядом следил за ним.

– Я искренне не понимаю, что тебе далась-то эта история. Ну хотела девочка даром за чужой счёт пожить, ну наказал её. Тебе-то что?

Саша, казалось, онемел и вдруг на глазах начал как-то по-детски – снизу вверх – краснеть. Заметив это, Грудинин чуть заметно иронично улыбнулся.

– Кто пожить хотел, она? – заговорил наконец Саша каркающим голосом, выплёвывая слова. – Да ты в курсе, что там у неё за ситуация, как она жила, что у неё с матерью? Я вообще не понимаю, как ты... Неужели тебе совсем не жалко?..

– Абсолютно не жалко, – спокойно сказал Грудинин, сделав глоток коньяка.

– Да ты, может быть, не знаешь толком, что случилось, вот что за самоуверенность у тебя всегда, – быстро заговорил Саша. – Давай я тебе просто в нескольких словах расскажу эту историю. А то ты думаешь, что пошалил и всё. Буквально две минуты мне дай, хорошо?

– Хорошо, – сказал Грудинин, уголками губ снова чуть улыбнувшись его юношескому энтузиазму.

– В общем, история у них такая, – начал Саша, навалившись локтями на стол и глядя в глаза Грудинину, пытаясь встретиться с ним взглядом. Но тот со скучающим выражением на лице разглядывал что-то в углу. – Мать у неё больная, и очень серьёзно. Диагноз поставили недавно, надо лечить, а лечить толком не на что. Денег Елена почти не зарабатывала, и с гражданским мужем, Василием, ну ты видел его, парень такой здоровый, дело плохо. Это же он их из Сибири в Москву уговорил уехать. Навешал девчонке лапши на уши – москвичами станем, бизнес откроем, детей нарожаем. Она, дура, и согласилась. Мать-то в дочери души не чаёт, во всём слушалась её. Ну, продали, приехали сюда. А тут он выманил потихоньку у неё все деньги – там на аренду помещения, здесь – на товар, да и смылся. Как раз тогда и мать заболела. У девчонки молодой зарплата двадцать пять тысяч, а что это сегодня такое? И так почти всё за жильё отдаёшь, ни тебе одеться, ни поесть нормально. А тут ещё это несчастье. Что делать? Возвращаться некуда и не на что, тут тоже денег взять негде. Ну представляешь себе?

– Представляю, – глядя в сторону, сквозь зубы сказал Грудинин.

– Да, такая вот история. У кого могли занять – заняли, кредитов набрали, всё продали, вплоть до колец и мобильных телефонов. Ну вот куда теперь деваться? А тут ты ещё...

Саша закончил рассказывать, и сидел молча, немигающим взглядом смотря на Грудинина. Тот не отвечал и, всё также уставившись в одну точку в углу, барабанил пальцами по столу.

– Вот видишь, думаешь, что просто развлёкся, а на самом деле... – после минутного молчания нерешительно сказал Саша.

– Да, бывает, – сдержанно согласился Грудинин. – Ты заявление-то забери, не чуди. Да давай уже по домам.

– Я не о заявлении с тобой сейчас говорю, – нахмурившись, сказал Саша. – Что ты скажешь на всё это?

– Что скажу? Насиловать её никто тут не насиловал. А в остальном – она человек взрослый, сама должна за свои поступки отвечать.

– Ты не слушал что ли, что я говорил сейчас? Неужели так трудно понять, войти в её положение? Вот погибнет она – это будет на твоей совести.

– Ну погибнет и погибнет. А за состраданием пусть в церковь идёт. Так уж мир устроен, что...

– Я не понимаю, как можно быть вот таким... – Саша сделал рукой нервное движение рукой.

– Каким? – уже открыто улыбаясь, сказал тот.

– Таким! Чёрствым, жестоким человеком! Неужели тебе совсем не жаль девчонку? Ну а представь себя на её месте?

– Нет, извини, не могу, – пошло улыбаясь, сказал Грудинин.

– Ну что ты юродствуешь, Лёш? Ты же понял меня. Если бы ты в безвыходной ситуации оказался, то что, рад был бы такому к себе обращению?

– Что бы я делал на месте слабого человека, я не знаю. Но уж точно не стал бы ныть и выпрашивать подачки. Оказался бы в такой ситуации, принял бы всё спокойно. Глупо же на природу злиться.

– На какую ещё природу?

– А на обычную. По законом которой все мы и живём.

– Что это значит?

– Да то и значит. Социальный дарвинизм, слышал о таком?

– Слышал что-то, Спенсер, Дарвин, не знаю... К чему ты клонишь? – сказал Саша, ещё больше краснея, быстро складывая тонкие руки на груди, и откидываясь спиной на спинку стула.

– К тому клоню, что эволюция есть эволюция – выживает самый приспособленный, сильнейший. В этой ситуации я оказался сильнее неё, вот и всё

– Это просто подлость, – с угрюмым презрением глядя снизу вверх на Грудинина, сказал Саша.

– Подлость, шмодлость. Чушь всё это, – ответил тот, устало махнув рукой. – В природе всё просто. Нет этих категорий – добро, зло, подлость, благородство. Вот медведь когда овцу жрёт – это благородно или нет? Он не думает об этом, для него это вопрос десятый. Важно ему одно – выжить да медвежат прокормить. Так и я.

– И ты хочешь сказать, тебе понравилось бы, если бы все вот так думали? Если бы каждый пытался тебе в бок зубы запустить?

– Друг мой ситный, – криво улыбаясь и, не отрывая от Саши ироничного сощуренного взгляда своих бесцветных глаз и вместе с тем тяжёлым медленным движением заноса ногу на ногу, сказал Грудинин. – Да так ведь всё и есть. Это ты с такими же как ты... – он сделал паузу, чтобы не сказать бранного слова и, пропуская его, махнул рукой. – Ты живёшь в волшебной стране с эльфами и единорогами. А борьба за место под солнцем идёт постоянно. Что такое конкуренция по-твоему? А? Или тебя сожрут, или ты сожрёшь. И там, знаешь, не только до зубов доходит.

– Если бы так всё было, камня на камне не осталось бы от человечества, – сказал Саша, отвернувшись в сторону, чтобы не видеть самодовольного выражения лица Грудинина.

– Да какого там камня на камне. На этом как раз всё и держится. Оглянись вокруг. Вот ноутбук у меня... – он хлопнул по крышке лежащего на столе компьютера. – А откуда появился

он? Что? Инопланетяне привезли его? Одна компания что-то сделала, другая сделала лучше и задушила предыдущую, ещё одна ещё что-то новое выпустила. А знаешь когда больше всего изобретений делается? Знаешь? Ну что молчишь? А я скажу тебе: во время войн. Первые автоматические коробки передач появились на танках, первые компьютеры разрабатывались для запуска ракет, первые спутники, сотовые системы – всё это было для военных целей. Даже вон – интернет – и тот как военный проект начинался. Естественный отбор как раз и порождает всё вокруг.

– И это оправдывает то, как ты с девушкой поступил?

– Вполне себе оправдывает.

Саша быстро замигал глазами, видимо, придумывая и не находя что ответить. Затем медленно встал и сверху вниз холодным блестящим взглядом посмотрел на Грудинина.

– Ладно, я вижу спорить с тобой – бесполезно, – сказал он глухим голосом. – В общем так. Заявление моё у тебя лежит. Если выполнишь обещание, которое дал девушке, я остаюсь. Нет – ухожу. Ну?

Грудинин молчал, наблюдая за тем как Саша медленно поднимает свою сумку, стоявшую у ножки стула, и накидывает на плечо широкий кожаный ремень. Секунду, в нём, казалось, боролись сомнения, что-то беспокойное появилось на его лице и пальцы левой руки, лежавшей на столе, нервно вздрогнули. Но он быстро успокоился, и как бы для того, чтобы сдержать невольные движения рук, выдающие его волнение, сложил их на груди и, твёрдо сжав свои тонкие губы, отвернулся в сторону. Саша в последний раз посмотрел на него и, резко развернувшись, пошёл из кабинета.

Услышав стук захлопнувшейся за молодым человеком двери, Грудинин резко выдохнул сдерживаемый в груди воздух и, взяв со стола бокал с остатками спиртного, быстро, не почувствовав вкуса, проглотил его содержимое.

Эта сцена раздражила его своей резкостью и раздосадовала теми последствиями, которые неизбежно должны были наступить теперь.

«И скандал вышел дурацкий с этим глупым мальчишкой, и нового человека теперь искать», – думал он. Некоторое время он просидел молча, хмуро глядя перед собой. Но на ум ему пришла встреча с Сергеевым, машина, сегодня особенно понравившаяся ему, и главное – триста тысяч. Всё это успокоило его и направило мысли по привычному тёплому руслу ожидания покупки. Он налил в бокал ещё из бутылки, сел в кресло и, сделав глоток, задержал на несколько секунд жидкость во рту, наслаждаясь её букетом. Затем – проглотил коньяк и, чувствуя расплывающееся по телу тепло, зажмурился от удовольствия...

IV

Разговор с Сашей, происшествие с Леной – всё было забыто в последующие два месяца. Ожидание машины заслонило все остальные мысли. Этот период он вспоминал впоследствии как один из самых счастливых в жизни, несмотря на то, что он был сопряжён со многими трудностями и неприятностями. То затребовал большую, чем обычно, взятку пожарный инспектор, то случилась неприятность на складе, то он попал в плохую историю с одним из жильцов, отказавшимся платить арендную плату. Старую машину также не удалось продать по запланированной цене. Он серьёзно урезал расходы даже на питание, и с нетерпением, похожим на то, что бывает разве что у мальчиков, идущих на первое свидание, ждал дня совершения сделки. Накануне этой даты он не мог сдержать себя от волнения – не спал всю ночь, по нескольку раз звонил Сергеёву по разным поводам, пытаясь по голосу догадаться – не передумал ли он, пил горячий крепкий чай и широкими шагами из конца в конец ходил по квартире. Ему смешно было взглянуть иногда на себя со стороны – таким ребёнком он казался себе. Но этот смех был нервный, и волнение не прекращалось. И только утром, приехав к Сергеёву, увидев машину и выйдя из такси в одном пиджаке к нему на мороз, он успокоился и понял, что сделка, которую он ждал столько времени, сегодня состоится. Вместе поехали сначала в отделение банка, затем – в регистрационный орган. Наконец, деньги – переданы, документы – получены, регистрация – пройдена и он, закутываясь в пальто, выходит из отделения полиции на стоянку к новой машине. Ему и сейчас особенно приятно было воспроизвести в памяти тот момент, когда он, увидев издали покатую крышу машины, занесённую сухим колючим снегом, услышав писк отозвавшегося на нажатие кнопки на брелоке центрального замка сигнализации, вдруг впервые понял, что она – принадлежит ему. Что-то приятное переливалось, вздрагивало в его груди, когда он вспоминал как торопливо попрощавшись с Сергеёвым сел в машину, и не сразу заводя двигатель, сидел некоторое время в сладком томлении – то проводя пальцем по толстому простроченному шву обивки сиденья, то включая и выключая компьютер, то кладя руки на кожаный руль и, не нажимая их, ошупывал тугие и гладкие кнопки управления. Наконец, надавил кнопку запуска двигателя и, выехав со стоянки, отправился кататься. Сначала – по городу, затем заехал на работу жены и забрал её. Даже Маргарите – обычно равнодушной к материальному, что все больше, особенно в последнее время раздражало его, машина, очевидно, понравилась. Несмотря на радость, он находился в таком возбуждённом состоянии что, чувствовал, что разругался бы с ней, если бы этого не случилось. Тем же вечером он обзвонил знакомых, приглашая на вечеринку по случаю покупки. Назначена она была на следующую субботу, в «Корчме» на Таганке...

Живо и с мельчайшими подробностями, но вместе с тем – словно в каком-то лихорадочном бреду, жарком болезненном полусне представился ему этот праздник, раз и навсегда изменивший его жизнь. Полутьма, громкая музыка, разноцветные огни, мелькающие по мраморным плитам пола. Над серыми табачными волнами гудят тосты, звенят, трещат, грохочут сдвигаемые бокалы. И поздравления: одни – напутственно-деловые, другие – шуточные, третьи, самые приятные – со скрытой или явной завистью. Он, Грудинин, сидит, положив ногу на ногу, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди – окаменевший в этой позе, спокойный, величественный.

– Я Алексея знаю с двадцати лет. Начинал он с нуля, как и я, работал как вол, и трудом, терпением добился всего. Он по натуре боец, победитель, – говорит на другом конце опустевшего из-за танцев стола Рябинин, партнёр по бизнесу, поправляя толстыми пальцами ворот рубахи, плотно облегающий его красную жирную шею. – Выпьем же за то, – взрыв музыки прервал его, и после паузы он заговорил вдвое громче, утончившимся голосом, срываясь почти на визг. – Выпьем за то, чтобы ему и в будущем сопутствовала удача.

Обращённые к Грудинину глаза, улыбки, блестящие красные потные лица... И разговоры, разговоры...

– За сколько машину взял, Лёх? – говорит весёлый рыжий, взъерошенный мужичок, знакомый Грудинина по фининспекции. – Пятёрка? Хорошо ты поднялся.

– Нет, что говорить, знатный автомобиль, – вторит ему лысый старик с жёлтым оплывшим лицом – начальник Грудинина с первой работы, Васильев. – Уважаемому человеку и машина соответствующая.

– Тоже к сентябрю думаю взять себе, – прибавляет чей-то незнакомый ему завистливый голос. – Тоже эмку, но на хаманновском тюнинге, с расточенным двиглом.

– Ты сначала за холодильники со мной расплатись, – отвечает ему кто-то.

– Расплачусь.

– Повезло тебе, Ритка, с мужем – на другом конце стала заплетающимся языком выговаривает жене Грудинина напившаяся Заулина. – Работящий мужик, а не как мой – пьяница и игрок. Сиди уж, Валера! – развязно машет она рукой на своего угловатого лысого мужа, насупившего брови и медленно поднимающегося из-за стола. – Тоже будешь мне...

Всё это Грудинин видит, слышит и впитывает в себя, смакуя, по капле, как пьёт маленькими глотками водку из глиняной чарки, которую поставила перед ним, обмахнув стол расшитым рукавом украинской рубахи, официантка. В этот самый момент где-то на окраине сознания зашелестела, заскреблась, как мышь скребётся в дальнем углу пустого дома, одна, давно обещанная себе, припасённая для этого момента мысль. Он пустил её, давно и нетерпеливо дожидавшуюся в прихожей разума, и она приблизилась, щекоткой пробежалась по спине, шаловливо зашептала на ухо, змеистой полуулыбкой застыла на губах. Было это тайное, личное воспоминание, которое и под пыткой не рассказал бы он здесь, за этим столом. И в то же время как будто что-то особенно приятное, что-то даже утончённое, изысканное было в том, чтобы именно теперь, на глазах у всех, пронести мимо себя это воспоминание. Вспомнил он, как четыре месяца назад ему позвонили из магазина – прорвало трубу и подвал со складом залило водой. Он, оставив в кабинете пиджак, как был, в рубахе, потный, взъерошенный выбежал на мороз. Не соблюдая правила, на красный свет, домчался до магазина. Вспомнил, как, несмотря на предупреждения встретившихся на лестнице сантехников, говоривших, что не отключено электричество и спускаться опасно, сошёл вниз, и стоял несколько мгновений, показавшихся часами, посреди огромного подвала, в ледяной вонючей воде, медленным взглядом обводя тёмные стеллажи. Чудом вода не поднялась выше, чудом не залила товар: компьютеры, мобильные телефоны на десятки тысяч долларов, на которые взят был кредит. Ничего не было застраховано, всё, что получал, – откладывал на машину. И случись так, что пропал бы товар, он бы расплачивался за него годами. Или хуже – продажа бизнеса, долги, унижение. Он с особым удовольствием припоминал теперь каждое мгновение, каждое своё тогдашнее движение, нарочно, в виде особой роскоши растравляя себя мельчайшими подробностями, микроскопическими деталями, услужливо воскрешаемыми памятью.

...Столько труда, лишений. И всё для чего? Для комфорта? Нет, нет... Это – вторично, будь одно это – на старой бы «Тойоте» ездил. Нет, тут главное другое – зависть, уважение. Тут главное однажды, открыв утром дверь подъезда, издали махнуть соседу, возящемуся под капотом и, вразвалку подойдя к машине, завести с ним разговор. Упомянуть небрежно о турбонаддуве и омываемых зеркалах, чувствуя равного, состоятельного, уважаемого и уважающего тебя человека. А лучше же, слаще же – если у него развалюшка, и если он снизу вверх, с завистью смотрит, если мелко подрагивает, и срывается его голос. Тут можно опять же ровно, с достоинством, но самый шик, самая тонкость в том, чтобы грубо, в лицо ему, надменно прогреметь, прореветь. Тут – биология, тут природная гармония, совершенство формы... Разве лев стесняется своей гривы? А павлин – прячет ли свои перья? А значит, а следовательно...

Он рассмеялся вдруг над чем-то, и сам не понимая над чем, но чувствуя и зная, что гармоничен, к месту этот смех, и именно такой – громкий, жирный, грязный, противоположный его же совсем недавней серой каменной важности.

– Растрясём закусточку! – кричит кто-то рядом, увидев его смеющимся, и он, дёрнув над столом тяжёлыми, налитыми горячей кровью руками, вскакивает со стула и, смеясь тем же смехом, кидается в гущу танца.

Толкает кого-то в податливое ватное плечо, задевает другого – в белой рубахе, с влажными округлостями под мышками и держащего над головой чарку с водкой, и оказывается посреди движущейся, шевелящейся, шелестящей толпы. Дёргает чью-то руку и быстро двигается рядом, глядя в лицо перед собой и не узнавая его, пытаясь поймать ещё чей-то, мелькнувший рядом взгляд. Кто-то толкает его, кто-то неуклюже обнимает за плечи и лезет с поцелуями. Мокрые губы на щеке, пьяное горячее дыхание.

– С обновкой тебя! – кричит ему в ухо женский визгливый голос. Затем он снова – рядом со столом. Ничего не видя в мутной мгле перед собой, тяжело дышит, упёршись кулаками в столешницу и чувствуя пронзительно-холодную струю из кондиционера на потной, облепленной рубахой спине. Снова водка, чьи-то пьяные слёзы, крепкие объятия. И – смех, смех – до оупения, онемения губ, бессознательности...

...Он не помнил уже куда делись гости и жена и как он оказался в машине, в двухстах метрах от ресторана. На небе светила полная луна, шёл медленный крупный снег, на полпальца заваливший капот. Чувствуя дурной запах во рту, он пошевелился, оправился на сиденье. Дёрнув удивительно легко поднявшейся рукой, взглянул на часы – было четыре ночи.

– Ехать домой или взять такси? – Он ещё пошевелился на месте, и как бы для пробы, испытывая себя, поднял и опустил плечи. Даже странно – не было и следа спиртного, словно и вовсе не пил – так хорошо он видел, чувствовал и соображал.

– Нет, что, машину бросать? Всё нормально, соображаю, доеду, – сказал он себе, заводя автомобиль.

Около получаса ехал он по спокойной, тихой, засыпанной снегом Москве. Приятное, ещё не сделавшееся привычным ощущение новой машины, запах новой кожи салона, глухой и уверенный рокот мотора успокаивали его. Вместе с тем, алкоголь, который Грудинин считал уже выветрившимся, начал давать о себе знать. Он как будто моментами, на доли секунды терял сознание, и, стараясь сконцентрироваться, чувствовал глухое гудение в голове. Два или три раза он проскочил на красный свет, в одном месте – не там свернул а, проезжая по Сретенке, чуть ни зацепил боком снегоуборочную машину. Если бы это было днём, он не стал бы рисковать, а остановился бы и вызвал такси.

Выезжая с Проспекта Мира на Ярославское шоссе, он услышал то, что и раньше, утром ещё заметил – слабый стук под днищем, видимо, в подвеске. Этот звук мешал ему, смазывал, делал неполным ощущение удовольствия от вождения.

«Неужели уже завтра, на только купленной машине – в сервис?»

Эта мысль, особенно из-за алкоголя – разозлила его. Оставив позади Северянинский мост, он надавил на газ, и действительно услышал под капотом усиливающийся, но пока ещё не совсем отчётливый стук. Надо было сильнее разогнаться и вместе с тем – успеть до поста полиции перед въездом на третье транспортное.

Он нажал на газ и машина поехала быстрее. Стук стал отчётливее. Ещё, ещё быстрее. Звук совершенно ясно выделился на фоне ровного гула мотора. «Регулировать или менять там что-то? – размышлял Грудинин, начиная постепенно замедляться. – Хорошо, если по гарантии, а то на такие деньги попадешь...» Он стал думать о том, куда ехать завтра – в фирменную мастерскую или в гараж к знакомому механику, чтобы он посмотрел сначала – не напрасна ли его паника, и о том, не стоит ли предъявить Фёдорову претензии. Но только он решил, что поедет с утра к Степанычу, а заодно позвонит Фёдорову и постарается выведать у него – знал

ли он о проблеме с подвеской, как в этот самый момент какая-то серая тень мелькнула перед фарами, и через мгновение что-то мягкое ударило о бампер и прокатилось по лобовому стеклу. Он вдавил в пол педаль тормоза, машину встряхнуло и занесло. По какому-то высокому, похожему на вой животного звуку он решил, что сбил собаку. Он тяжело вздохнул, выругался и, оставляя включёнными фары, вышел из машины чтобы осмотреть повреждения. На лобовом стекле вместе с полосой крови он увидел что-то светлое, – кусок ткани, зацепившийся за дворник и трепыхавшийся на ветру. Он обернулся назад. На дороге позади машины, медленно шевелилось, как будто с бока на бок переворачивалось что-то светлое, длинное и тонкое. Он подошёл. На асфальте, в тусклом жёлтом свете фонаря он увидел девочку лет двенадцати, в длинных, до колен сапожках и задранным до живота бежевом, туго перетянутом тонким кожаным поясом пальто. Он с минуту, потеряв дар речи, стоял на месте. Затем сделал шаг и заглянул ей в лицо. Теперь он не помнил её черт, помнил только то, что его странно поразила её бледность, переходящая уже в какую-то мертвенную синеву. Девочка не произносила ни звука и не шевелилась. «Жива ли?» – подумал он. И – сначала слегка, затем – сильнее толкнул её в грудь, там где не было крови, ногой. Это движение показалось ему тогда самым правильным и естественным. Вдруг она открыла глаза и посмотрела на него спокойным и уверенным взглядом, таким, каким смотрят взрослые. Он не ожидал этого, и как от сильного удара отшатнулся назад. Но из спокойного её лицо почти мгновенно приняло мучительное выражение. Выпростав из-под себя тонкую руку, она протянула её к нему и произнесла через силу: «Помо... Помогите...» В её горле что-то забулькало, и на дёргающиеся бескровные губы выступили кровавые пузыри.

«Что? Что... – говорил он себе, отступая назад. – Что теперь делать?»

Девочка, следя за ним быстро мигающими, блестящими от обильных слез глазами, попыталась встать, не опуская протянутую к нему, всё больше трясущуюся руку.

– Помо... ги... – начала говорить она, но, не окончив слова, захлебнулась кровью и бесильно завалилась назад, головой с размаху ударившись об асфальт.

«Никого нет, уходить надо», – сказал он, делая ещё один шаг назад. Эта фраза, впервые осмысленно произнесённая, прочувствованная, как током прошибла его. Он резко повернулся на каблуках и решительно пошёл к машине. Сел, попутно мельком глянув на капот – оценить повреждения от удара. Кажется, немного – тысяч на двадцать.

Взревел двигатель, машина сорвалась с места и, развернувшись, понеслась по шоссе в обратном направлении. На долю секунды ему показалось, что в зеркале заднего вида, сквозь снежный дым налетевшей пороши мелькнула другая человеческая фигура, тоже как будто детская, – бегущая через дорогу и размахивающая над головой тонкими руками. Он, увеличив скорость, согнулся над рулём, ища ближайший поворот. Вот, вот он! Резко, так что завизжали тормоза, свернул и поехал, замедлившись, по какой-то незнакомой, не освещённой и мрачной улице с огромными сугробами по обочинам дороги. Сознание постепенно возвращалось к нему. Мысли бешеным хороводом закружились в голове.

– Как же быть? Куда ехать? – думал он. – Домой? А если машину будут искать? Нет, надо иначе, надо заехать во двор, не здесь, в другой части города, и не по шоссе, окольными путями. А там оставить и до дома – через темноту, по дворам – пешком. Сейчас главное действовать взвешено, уверенно, – размышлял он, проехав несколько кварталов и всё более успокаиваясь. – Меня она не могла запомнить. У неё шок, потеря крови, она ничего не соображает. Она вспомнит одежду, может быть, машину. Лицо не вспомнит. А та – другая бегущая фигура? Нет, если и был кто, то только издали видел. Он и того не сможет описать. Ну – среднего роста, такое-то пальто, такие-то брюки – лица он и не видел. А по таким приметам тысячи, миллионы. Да, теперь главное не волноваться, не беспокоиться. Оставляю машину, иду домой. Рите – говорить?

Он замер на секунду, обдумывая это.

– Нет, Рите нельзя, надо чтобы естественно, лучше пусть не знает, не думает ничего. Это пройдет, забудется, заживём, уже завтра, через неделю по-прежнему заживём. Зайду, как обычно, лягу на кровать. Завтра утром – в полицию. Что сказать? Сказать что... Да, я приехал, стал выходить из машины. Что взял?

Он оглянулся назад, пошарил взглядом по сиденьям. Сваленные кофты жены из химчистки, дорожная сумка, новая, от Виттона... Нет, ничего...

– А, вот, коробка от ноутбука. Да, коробку взял, а потом – вернулся, оставил, завтра, мол, на работу завезу, нечего таскать. Это хорошо, мне на пользу, что коробка. Вор видел издали, понял, что ценное, думал – ноутбук – потому и залез. Ключи ещё в машине оставил – не забыть, важно. Да, да, дальше. Утром – в полицию. Как ни в чем ни бывало. Надо до того побегать по двору, пусть жена поплачет – она слезливая, тут естественность сработает. Побегу в другой двор, спрошу – не было ли тут, не оставил ли? Там бабки, они потом подтвердят. Потом – в полицию. С женой приду, она, конечно, в слезах. Будут успокаивать, сорвусь – год зарабатывал, а на другой день сволочь какая-то угнала. Обидно! Естественно, жалостливо. Будут о друзьях расспрашивать – тут надо задумчиво вспоминать, перебирать – этот мог, этот – нет, не мог.

Он почти полностью успокоился.

– Да, надо помнить, что все это на всякий случай. Ну, сбил девочку лихач, скрылся. Их не находят, как найти, в Москве – миллион машин. Если всё спокойно, через два дня заберу машину – дети, мол, покатались, да бросили.

Он доехал до какого-то дальнего двора, встал на стоянке, в глухом углу, рядом с заброшенной и заваленной мусором детской площадкой. Платком обтерев отпечатки пальцев с рулевого колеса и ручки переключения передач, вышел из машины. Затем, набирая горстями снег, обтёр бампер автомобиля, и по дворам за два часа дошёл до дома. Поужинав оставленными женой в холодильнике котлетами, лёг спать. Спал крепко, без снов.

В отделении полиции всё было так, как он и представлял себе. Молодой, наголо бритый следователь, сидевший за изрезанным лакированным столом недолго расспрашивал его о машине, её особых приметах и по-детски корявым почерком переписывал номера с технического паспорта, который Грудинин принёс с собой. Жена сидела с испуганным выражением на лице, сцепив покрасневшие руки у груди, сам он задавал взволнованным голосом (получившимся лучше, чем он ожидал) вопросы о том – часто ли находят угнанные машины, и если находят, то в каком состоянии? И не следует ли ему самому теперь проехаться по автомобильным рынкам вместе с полицейским нарядом? Упрашивая скорее найти машину, и обещая особое вознаграждение тому, кто первым обнаружит её, он увлёкся так, что почувствовал неизвестное ему прежде актёрское вдохновение, и должен был даже сдерживать себя, чтобы не сказать лишнего. Поставив по окончании процедуры под каждым листом заявления «С моих слов записано верно», подпись и дату, он вышел на улицу. Всё было кончено.

V

...Осуждённых, выстроив в ряд, вывели на широкий тёмный двор, огороженный высоким забором с колючей проволокой. Там, на пахнущем бензином и весенней сыростью дворе, они простояли около десяти минут, перешёптываясь и топчась на месте, сбивая в слякоть грязный мартовский снег. Наконец, прибыл автозак, или автозэк, как его называют заключённые – длинный, похожий на грузовик автомобиль с единственным зарешеченным окном. По одному, наступая на дребезжащую приставную лестницу, арестанты поднялись в салон. На входе – решётка, разделяющая внутреннее пространство на две половины, перед которой сразу уселся, поправив полу бушлата, конвойный с автоматом. За ней – две металлические скамьи по периметру. Грудинин, последним пройдя по салону и ногами задевая колени уже сидевших заключённых, устроился на дальнем от окна конце скамьи, в темноте. Мотор взревел, и автомобиль, вздрогнув, тронулся с места.

Сидевший возле входа молодой зэк, парень лет восемнадцати, обхватив худыми руками решётку, заговорил с конвойным – широкоплечим угрюмым прапорщиком с опухшим со сна, оплывшим книзу лицом.

– Так что там на зоне-то, нормально? – спрашивал он разносящимся по салону звонким детским голосом.

– Приедешь, узнаешь.

– Я просто впервые еду, никогда там не был.

– За что тебя? – не поворачивая головы и поправляя ремень автомата, спросил конвойный.

– Да за кражу.

– Что украл-то?

– С приятелем подговорились взять плеер у одного знакомого, у бывшего одноклассника. Он нам денег был должен и не отдавал. Ну вошли в квартиру, пока его и родителей дома не было. Плеер не нашли, а приятель и говорит: а давай у него телевизор тогда возьмём? – начал рассказывать парень.

Конвойный молча слушал эту историю, бросая на мальчика косые угрюмые взгляды.

– А ты за что, земля? – шёпотом спросил, блестя глазами в темноте и нагнувшись к самому лицу Грудинина, сидевший напротив высокий серолицый зэк в расстёгнутом бушлате.

– На машине... сбил.

– Сколько дали?

– Пять, – нехотя произнёс Грудинин, стараясь не глядеть на его наклонённую вперёд, покачивающуюся от движения машины фигуру, не чувствовать и не слышать его частое тёплое дыхание. Ему до тошноты, физически противно было говорить. Тот, кажется, понял, откинулся назад и замолчал.

...Полиция явилась следующим утром, в девять часов. Их было трое – высокий капитан в кепке, надвинутой до бровей и два широкоплечих сержанта в кожаных куртках и с автоматами. Не было ни криков, ни понуканий, ни наручников. Спокойно вошли, поздоровались с женой, дали одеться и подождали, пока он соберёт вещи и позавтракает. Он записал на бумажке для растерявшейся жены телефон адвоката и адрес отделения, в которое его везут, оделся, взял вещи и вышел. До отделения доехали молча, без единого слова.

Случилось то, чего он никак не ожидал. Автомобиль обнаружили тем же утром – вышедший на стоянку житель дома, увидевший незнакомую машину с помятым и испачканным кровью бампером (Грудинин не мог ночью видеть и вытереть все следы), позвонил в полицию. Внешность его подробно описал и свидетель – пятнадцатилетний Ваня Бакушев, тот самый, которого он мельком заметил в зеркале заднего вида, и сама девочка, бывшая ещё в сознании,

когда на место происшествия прибыла скорая помощь, и через час умершая от потери крови и болевого шока в реанимации сороковой городской больницы. Кроме того, аварию записала камера высокого разрешения, установленная на фасаде магазина «Спецстройодежда», находившегося поблизости... Отпираться было бессмысленно, Грудинин во всем сознался. Ему предъявили обвинение по трём статьям Уголовного Кодекса РФ – 264-й, 265-й и 307-й.

Почти шесть часов сидел он на допросе у следователя Кваскова – сорокалетнего сухого человека с морщинистым жёлтым лицом и бледными глазами.

– Так что же вы уехали с места происшествия? – ровным и безразличным тоном спрашивал он, записывая что-то на разлинованном листе. – Не помогли ребёнку...

– Растерялся, не знал, что делать, – как можно спокойнее, и вместе с тем убедительнее отвечал Грудинин.

– Ну а не позвонили в скорую почему?

– Думал, уже нельзя ничего сделать. Она была в таком состоянии, что я подумал...

– Зря вы подумали, – сухо прервал следователь, изящным движением двух длинных жёлтых пальцев перелистывая страницу. – Ну а зачем в полицию заявляли об угоне?

– Я не знал, как поступить, не мог ничего решить, – отвечал Грудинин, то следя за движениями рук следователя, то поднимая глаза и ищущим взглядом пытаюсь поймать его взгляд.

Вообще же вопросы, задаваемые ему, он слушал плохо. Его мысли крутились вокруг одного, главного обстоятельства, он старался сообразить – как и сколько предложить денег?

«Да, по тону его понятно, что ему всё безразлично, – говорил он себе, оглядывая кабинет следователя – маленькую комнату, с покрытым истёртым до дыр линолеумом полом, длинным стеллажом вдоль стены с рядами папок, и столом, заваленным бумагой. Его взгляд остановился на полке с делами. – Да, да, – думал он, так пристально присматриваясь к одной, покосившейся и съезжающей набок папке, словно хотел подтолкнуть её взглядом. – У него таких дел десятки, сотни. Я для него ещё одна такая пыльная папка. Надо только смело приступить к делу, он только того и ждёт. Согласится, сразу согласится».

Но как он ни собирался с силами для этого предложения, произнести его так и не смог – спокойное и безэмоциональное лицо следователя каждый раз останавливало его

В два часа дня в дверь кабинета быстро постучали и через мгновение в неё заглянуло круглое и блестящее как намащенный блин лицо Буренина – адвоката и давнего знакомого Грудинина.

– Можно? – спросил он, уже весь показываясь в дверях – в мокром на плечах от растаявшего снега, плюшевом модном коротком пальто. Грудинин встал.

– Нет, Алексей, сиди, сиди пока, – остановил его Буренин, сделав успокаивающий жест рукой. – На секунду можно? – обратился он уже к Кваскову. Квасков, медленно затушив сигарету о край полной пепельницы, со своим ничего не выражающим лицом встал и, взяв подмышку папку с показаниями Грудинина, вышел в коридор.

«Сейчас решится все», – подумал Грудинин. Но прождал он долго – около часа, в нервном томлении то осматривая обстановку кабинета, то глядя в зарешеченное окно, засыпаемое крупным снегом, то наблюдая за входившими сотрудниками, приносящими и забирающими бумаги.

Наконец, в кабинет вместе вошли, не разговаривая друг с другом, оба с хмурыми лицами, адвокат и следователь.

– Мне хоть с клиентом наедине поговорить можно? – с вызовом произнёс Буренин, остановившись на пороге и исподлобья глядя на Кваскова. Тот, не сказав ни слова, вышел.

– Вот что Алексей, плохо дела твои идут, – сказал Буренин. Он запер дверь, взял из угла низенький стул с обломанной спинкой, сел и, облокотившись на колени, заглянул Грудинину в глаза. – Что ты сознался, что пьян был? Вот бумаги, кстати, договор подпиши на оказание услуг.

– Ну а что, как? – дрожащим голосом спросил Грудинин, беря ручку и в открытой папке на листах подписывая там, где ему толстым красным пальцем указывал Буренин. – Я на вечеринке был, там все видели, что я пил.

– Да что видели, – сказал Буренин, выхватывая у него ручку и захлопывая папку. – Одни видели одно, а другие – другое. Там бы со свидетелями поработали. Тебя пьяным могла только экспертиза признать, а теперь вот – крутись. Ну а зачем сознался, что уехал от потерпевшей, хотя видел, что она жива? Тебе сейчас ещё и неоказание помощи шьют.

– Ну а что нужно было говорить? У них же видеозапись есть. Там видно все.

– Что-что, сказал бы что зная, что нельзя в таком состоянии беспокоить, перемещать, поехал искать телефон позвонить, потому что села батарея в мобильнике.

– Так ведь не позвонил?

– Не позвонил – в состоянии стресса находился. Везде тут есть ходы и варианты. Ладно, ладно, – сказал он, слабым глядящим движением прихлопывая по плечу Грудинина своей мягкой ладонью. – Не волнуйся, я теперь за тебя волноваться буду.

– А... Решить иначе что, никак нельзя? – спросил Грудинин, значительно глянув в глаза Буренину.

Тот оглянулся по сторонам и приложил палец к полным улыбающимся губам, показывая, что сейчас нельзя об этом говорить.

– Поедем домой, расскажу. Я там главное сделал – меру пресечения выбил – не под стражу тебя, ну, не в СИЗО к бандюкам, а подписку о невыезде. Этот-то, – он кивнул на дверь. – *Закрывать* тебя хотел до суда.

... – В общем, расклад у нас с тобой такой, – через два часа говорил в машине Буренин, следя глазами за рукой Грудинина, которой тот пристёгивал ремень безопасности. – Самый лёгкий способ развалить дело – через следака. Но следователь у тебя – овца, с ним не договоришься.

– Этот Квасков?

– Да, он. Отказывается и все.

– От денег отказывается?

– Да, – сказал Буренин, заводя машину и оглянувшись назад через сиденье, выезжая со стоянки. – Не хочет дружить с нами.

– Чего так?

– Да рогом упёрся как баран. «Пусть садится», – говорит. Принципиальный какой-то попался. Там, на видеозаписи, момент есть, он к нему привязался. Говорит – подошёл ты к девчонке сбитой, *как собаку* её ногой пнул и ушёл. Объяснял ему всё, уговаривал – ни черта не получилось И с начальником отделения – Рогачёвым – тоже не сладилось. Это мужик правильный, нормальный, были с ним дела. Но сейчас на повышение идёт, на воду дует.

– Так а чего же делать?

– Да делать-то всегда есть что, если деньги есть. – Буренин обернулся на Грудинина и улыбнулся. – Тысяч сорок долларов достать сможешь?

– Смогу.

– Ну вот и решён вопрос. Через суд действовать будем.

– Как?

– Да так, есть статья одна – 76-ая – прекращение уголовного дела по примирению сторон. Я уже утром, когда Ритка твоя позвонила мне, ездил домой к родителям этой... потерпевшей, – брезгливо выговорил он. – У неё одна мать, мужа нет, умер два года назад. Живут там же, где все это случилось, на Ярославском, через дорогу. Она на складе бытовой химии, на ВВЦ работает. За детьми не следит, оборванные все. Вот я думаю – зачем рожать, если прокормить не можешь? Нищету плодить? Соседи говорят – пьёт, знакомых водит. В тот день она знаешь чего ночью-то на улице была? Мать пила, и детей тётке отдала, своей сестре, они там же, через

дорогу живут. Девочка с тёткой поссорилась и домой пошла. Да нищета, голь. В общем, не переживай. Судью подмажем, а потом вот к ней съезжу, отдам денег – ну тысяч двести-триста рублей. Для них это – состояние. Она напишет отказ, судья и закроет дело по примирению сторон.

– Так а зачем судье-то тогда давать денег, если она итак всё напишет?

– А затем, что тут есть нюанс – примирение возможно только по делам средней тяжести, а у нас – тяжкая. Вот тут судья и вступает. Там не только судья вообще, ещё и с прокурором надо будет поработать, но это я уж...

– А вдруг не получится всё это? – спросил Грудинин, обернувшись на Буренина и пристально взглянув на него.

– Получится, – уверенно ответил тот, чувствуя на себя взгляд Грудинина, но не поворачиваясь к нему, и не сводя глаз с дороги. – С деньгами всё получается.

VI

Встреча с судьёй Леонидовым была назначена через два дня. Грудинин уже мельком видел его в зале суда, но никакого определённого мнения составить о нём не успел. Несмотря на предупреждения Буренина, который имел какие-то свои, тайные основания полагать, что они, вероятнее всего, поладят с судьёй, он опасался этой встречи. Главное – боялся увидеть надменного и сухого человека, который сразу же даст понять, что держит его в своих руках. Впрочем, теперь было не до сантиментов. Он не спал ночью перед встречей, измотался и измучился в сомнениях, и приготовился пойти на всё, даже унизиться, расплакаться перед судьёй. Вышло, однако, иначе. На встречу явился невысокий, светловолосый и ещё молодой человек, даже младше его самого, с быстрыми движениями, мелкими чертами лица и маленьким носом кнопкой. По его немецкому автомобилю, итальянскому костюму и швейцарским часам, Грудинин сразу узнал представителя того круга, к которому принадлежал он сам, то есть – человека богатого, умного, и с тем оттенком вежливого цинизма, который выдаёт человека, ничем морально не стеснённого. Это было уже кое-что. Точным, уверенным, вероятно, выработанным жестом, одним из тех, которые Грудинин и у себя знал, он подал руку ему и адвокату, притом как-то неопределённо, на сторону, кивая головой. Затем, быстро отодвинув стул, присел за стол. Грудинин с напряжённым вниманием следил за судьёй, с радостью замечая особенно его вещи – часы на руке, платиновую зажигалку, перьевую ручку. Всё это было высокого качества, хороших марок.

«Сколько в суде там он получает – сорок, пятьдесят тысяч?» – с торжествующей радостью думал он, присматриваясь к золотым часам судьи.

Во время обеда много говорили о деле, не касаясь денежного вопроса. Судья, очевидно, осторожничал, прощупывал почву, и, обращаясь по большей части к Буренину, расспрашивал его главным образом о том, как шло следствие, не было ли нарушений, какие документы были предоставлены, и какие пока задерживаются, и т. д. Буренин, в свою очередь, зная условия этой игры, подробно, не говоря ничего лишнего и не делая никаких намёков, формально отвечал.

Наконец, выдержав паузу, и движением двух длинных белых пальцев отодвинув фарфоровую чашку с травяным чаем, судья обратился к Грудинину.

– Так что, вы уже начали договариваться с родителями?

– Да, – кивнул Грудинин.

– Владимир Иванович, начали, процесс уже пошёл, – прибавил Буренин, перегибаясь над столом и глядя в глаза судьи. – Точнее, с одной матерью, мать там одна.

– Одна мать?

– Да. Нуждаются, живут в двушке, там же, на Ярославке. Там почти что, я так скажу, божовские условия. За детьми мать не следит, водит кого попало, всякий сброд, какую-то пьянь, гопоту.

Очевидно, судье, настроенному официально и к этой наружной официальности, отгораживающей его от ненужных впечатлений и эмоций, привыкшему на подобных встречах, неприятны были жаргонизмы в речи Буренина, и он, нахмурившись, молча кивал на его слова, глядя перед собой, на эмалированную, тускло блестящую салфетницу.

– Ну, надо объяснить, что ребёнка не вернёшь, а некоторая денежная сумма поможет им, – заговорил он после паузы солидным пониженным голосом, каким, вероятно, на суде усевещивал подсудимых.

– Всё, всё это есть, и ещё будет. На днях она обещала подписать бумаги.

– А как сбили, как так получилось? – снова обернулся судья к Грудинину.

– Ночью ехал, – ответил он. Он не знал какой выбрать с судьёй тон – покаянный или – ровный и деловой, и остановился на средней между ними, расслабленно-усталой интонации

– одновременно и вызывающей на жалость, и позволяющей сохранить достоинство. – Ночью ехал, ну а она через дорогу бежит. Я по тормозам, конечно, но погода была тогда – снег, гололёд, ничего не видно, я и не смог притормозить.

– Не успели?

– Не успел. Вот секунду ещё, проехал бы и не задел.

– Да, это бывает. А что там с неоказанием помощи? Ваш следователь на это особенно что-то напирает.

– Да, есть неоказание, – вместо Грудинина быстро заговорил Буренин, глядя в лицо судьи и пытаясь перехватить его взгляд, направленный на Грудинина. – Но там не всё однозначно. Мой клиент не видел, жива ли потерпевшая, и не имел возможности позвонить из-за севшей батареи телефона. Это всё зафиксировано в показаниях. А к следствию у нас, кстати, есть свои претензии, которые мы ещё заявим в ходе предварительных слушаний.

Судья задумчиво глядел перед собой, делая губами целующее движение и щёлкая колпачком ручки. Грудинин забеспокоился, что он перейдёт теперь к частностям и деталям, главное – к видеозаписи и к тому, что он сбивую девочку *нул ногой как собаку*. Но Леонидов не задал никаких вопросов. Ничего не сказав по делу, он расплатился по счёту и, пожав Грудинину и Буренину руки тем же плавным жестом, вышел. Двадцать минут спустя он позвонил Буренину и сообщил о своём положительном решении. За помощь он попросил почти вдвое меньше, чем приготовился отдать Грудинин – пятнадцать тысяч долларов.

Эти деньги нужно было заплатить через два дня. У Грудинина на руках было не больше десяти тысяч, и чтобы добрать остальную сумму – и для судьи, и для семьи погибшей, он должен был взять пластиковую карту жены, на которой был открыт неиспользованный пока кредитный счёт. Всвязи с этим случилась неожиданная и довольно неприятная сцена. В этот вечер он пришёл домой раньше Маргариты, и сел ужинать один, без неё. Услышав звук открываемой двери и шорох её шагов, он поднялся с места и, вытерев губы салфеткой, вышел в прихожую.

– Здравствуй, Лёша, покушал уже? – сказала она, быстро расстёгивая пуговицы пальто.

– Маргарита, – сразу начал он, не отвечая на её приветствие. – Завтра мне нужна твоя карта из Мастер-банка.

Она, словно поражённая это просьбой, замерла, вместе с тем замедленным движением навешивая пальто на вешалку. Затем, как будто в задумчивости искоса глянув на него, опустила голову и прошла в комнату. Он пошёл за ней.

– Ты карту отдашь или как? – спросил он, стоя в дверях, вложив руки в карманы и плечом прислонившись к косяку.

Она присела на кровать и побелевшими от усилия пальцами отставленных за спину рук собрала в горсти шёлковое покрывало, вместе с тем сжав губы и упрямо глядя перед собой. В ней, очевидно, шла какая-то борьба. Он сел рядом, и уже больше с любопытством, чем с нетерпением или злостью наблюдал за ней.

– Я дам при одном условии, – сказала она после паузы тихим взволнованным голосом. – Если ты не будешь использовать деньги чтобы как-то навредить семье той... ну той... – она нервно сглотнула воздух, не в силах выговорить дальнейшее и сделала быстрый круговой жест рукой перед грудью, как бы выражая им то, чего не могла произнести словами. – Той девочки, – быстро произнесла она наконец.

Он с удивлением посмотрел на неё. От неё – покорной, полностью зависящей от него, *выдрессированной*, как он с самолюбивой гордостью говорил про себя, женщины, такого поведения, почти бунта, он никак не ожидал.

Он пожалел теперь, что не посчитал нужным посвящать её в детали истории. Сев рядом с ней и взяв её руку в ладони, он с самого начала рассказал о том, как на ночной дороге сбил кого-то и, думая, что под колеса ему попало животное, не остановился и поехал дальше. О том, как был поражён потом, когда, выйдя из машины, увидел на стекле обрывок ткани. Как

мучался над тем – как поступить теперь, волновался за свою невольную жертву, и как страдал от того, что соврал жене и полиции. Главное же – рассказал о своём желании помочь семье погибшей девочки, для чего ему и нужны деньги. Жена сначала смотрела недоверчиво, но чем больше он говорил, особенно – прибавляя сентиментальные подробности, произнося которые в других обстоятельствах, он не удерживался бы от улыбки, тем больше она верила ему и тем крепче своей тонкой потной ладонью пожимала его руку. Наконец, окончательно убедив её и забрав карту, с неприятным, брезгливым ощущением от этого разговора, он вышел из комнаты.

VII

Теперь оставалось решить последний – самый важный вопрос – отдать деньги потерпевшей – матери девочки, и убедить её написать заявление, в котором значилось бы, что она не имеет претензий к Грудинину. Буренин был уверен, что в ближайшие два дня получит положительный результат, и, дожидаясь вестей от него, Грудинин уже не так беспокоился, как перед встречей с судьёй. Вообще, после этой встречи он как-то воспрянул духом. Если прежде он ещё ожидал разных неожиданностей от судебной системы, то после знакомства с Леонидовым уже не сомневался в успехе дела. Всё было так, как он и предполагал, всё соответствовало дарвинизму: правосудие оказалось фикцией, для него же, богатого сильного человека, открыты были все возможности.

Но зашедший следующим вечером Буренин принёс плохие вести.

– Не берёт деньги. Два раза ездил, упрашивал, а она – не берёт, – сидя на кухне говорил он, толстыми губами обхватывая край рюмки и одним махом опрокидывая в себя водку.

– И что ей нужно?

– Да вот не пойму. Чёрт её знает. То с тобой хочет увидиться, то истерику начинает, в слёзы бросается, дочь вспоминает. Не пойму. Я говорю ей, что ты раскаиваешься, а она давай причитать: «Он мне даже не позвонил, не извинился». Я объясняю, спрашиваю, а она ни в какую. Ну что тут поделаешь?

– Чем нам это грозит? – быстро спросил Грудинин, наваливаясь локтями сложенных вместе рук на столешницу и заглядывая в лицо Буренину.

Буренин налил ещё водки из запотевшей бутылки, быстро и нетерпеливо взглядывая на Грудинина, опрокинул вторую стопку.

– Чем-чем... Скандал будет, чем. Сейчас вот с ней не договориться, она истерику поднимет в суде. Не, ну оно, может, и без проблем пройдёт, с судьёй-то решено всё. Да и то, знаешь, всё может затянуться на месяцы. И без мирового срок будет. Тебе же не нужен срок, пусть даже и условный? Ну вот. Ну или ещё, не дай тебе боже, побежит к журналистам. Один пошлёт её, а другой, чем чёрт не шутит, и заметит.

– Ну так а что делать-то? – спросил Грудинин, не отрывая взгляда от его быстро багровеющего от водки лица.

– Сделать вот что надо: ты, Лёша, в самом деле, съезди что ли к ней, а? Успокой, как-то утешь, ей сейчас одно это и надо. Слезу, в конце концов, пусти. Баба она плаксивая – палец покажешь, уже ручей потёк. Поплачет, да и отойдёт. Денег ей дай. Ну а потом незаметно так и подсунь бумажку на подпись.

Грудинин внутренне, как от удара током, вздрогнул.

– Что, и иначе – никак?

– Никак, всё перепробовал уже.

– Так ты со мной поедешь?

Буренин закричал, глянул себе под ноги.

– Да я ей, видишь ли, глаза уже намозолил. Что я буду ездить, злить её?

Грудинин замолчал, сложил руки на груди и, сжав губы, посмотрел в окно.

– Я бы не просил тебя, но что сделаешь? Ну нет другого выхода, – ловя его взгляд, сказал Буренин, своей мягкой ладонью обхватывая его локоть.

– Ладно – бумаги давай, – сказал Грудинин, не вырываясь локтём, но и не отвечая на его взгляд.

Первым его ощущением после того, как он узнал, что должен ехать к матери сбитой девочки, был страх. Эта спившаяся, по всей вероятности больная и убитая горем женщина – что она сделает с человеком, отнявшим жизнь у её ребёнка? Не набросится ли с ножом, не

покалечит ли его, мстя за обиду, и вообще – за всю свою никчёмную жизнь? Но вместе с этим страхом было и другое ощущение, ещё больше раздражавшее его. Ему отчего-то неприятно, физически противно было предчувствие того, что перед этой женщиной, – нищей алкоголичкой ему придётся теперь унижаться, каяться и растревлять себя на слёзы. К этому он чувствовал какое-то высокомерное отвращение, и одновременно – гнетущую, тупую тоску, на пике своём доходящую почти до отчаяния. Но вместе с тем – ещё не видя Иванову, зная её только по рассказам Буренина чувствовал он уже, что тут, именно с ней, нельзя будет сыграть, притвориться – одна фальшивая нота, неверный штришок, и – дело обречено. Преодолевая себя, он с брезгливостью выискивал в памяти те подробности *происшествия* (так приятно холодила душу медная, безразличная официальность этого слова, что он никак иначе не называл про себя случившееся), которые могли бы растрогать его, что-то, на что можно было бы эмоционально опереться и использовать в беседе со вдовой. И тогда и после он много раз анализировал свои ощущения, стараясь понять – что в точности он чувствовал тогда? Было ли вообще то самое раскаяние, о котором говорили следователи, прокуроры и судьи, которое приписывал ему, изображая в ярких красках, адвокат? О котором, наконец, позже столько говорили и писали десятки и сотни тысяч людей... Было ли хотя бы на мгновение? Нет, он не мог этого сказать. Вообще, он как будто бы не отдавал себе отчёта в совершенном, не понимал его. Он не то что бы боялся задевать моральную сторону случившегося, но она вообще не присутствовала в его сознании, была неуместной, ненужной, *происшествие* было лишено любого цвета и запаха, было для него тем же набором фактов, свидетельских показаний и юридических статей, как для бумаги, на которой было напечатано постановление о возбуждении уголовного дела. И как ни думал он, как ни вспоминал, но ничего не мог в себе найти.

И всё же надо было ехать. Он решил держаться как можно спокойнее, ровнее, и на следующий день, предварительно позвонив по телефону Ивановой, которая ответила ему равнодушным бесцветным голосом, отправился к ней.

Семья Ивановых жила в девятиэтажном доме, на восьмом этаже, с окнами, выходящими на Ярославское шоссе. В подъезде, удивительно чистом, даже с картинами висящими по стенам, Грудинин как будто оробел, ему вдруг словно неудобно за что-то стало. Дверь открыли сразу, после первого звонка. На пороге его встретила, держа за руки двух маленьких, не старше восьми лет, детишек – мальчика и девочку, высокая женщина в цветастом нарядном платье, с жидкими волосами, затянутыми в хвост, худым испитым лицом, очень бледная и, что заметно было с первого взгляда, нервная и раздражённая.

Квартира была двухкомнатная, маленькая и бедная. Одна комната, вероятно, сдаваемая жильцам, была со своей отдельной, новой дверью с новым эмалированным навесным замком, в другой же, где жила вдова с детьми, стояли две детские кровати, большой диван, который, видимо, служил матери постелью, и старый, без одной ручки, косой шкаф для одежды. У окна, завешенного пыльными тюлевыми занавесями, находился круглый лакированный стол, на котором лежали детские тетрадки и учебники. У противоположной стены был ещё один, – книжный шкаф с полками и маленьким телевизором в нише – вся мебель старая, ещё советских времён. Однако, оголтелой нищеты, которую ожидал увидеть Грудинин, не было. Нигде также не было видно бутылок, о которых прежде говорил Буренин. Впрочем, ясно было, что вдова приготовилась к приходу гостя. Полы были, очевидно, недавно вымыты – по всей квартире стоял запах порошка и хозяйственного мыла, на диван наброшено какое-то новое, с узорами покрывало навроде пледа, с полок смахнули пыль, и даже дверные ручки были, кажется, специально начищены. Дети были умыты и наряжены во всё новое: девочке заплетена коса, а мальчика причесали на пробор, видимо, насильно, так как он всё стремился, едва отворачивалась мать, обеими руками взлохматить волосы.

Иванова провела гостя в гостиную, усадила на стул перед диваном, и, на секунду отлучившись в кухню, вернулась с расписным исцарапанным жостовским подносом на котором

стояли две чашки и фарфоровый чайник с чаем. Грудинин взял чашку, но, мгновение подержав её в руке, поставил обратно. Несколько секунд длилась неловкая пауза.

– Если можете, простите меня, – наконец, произнёс Грудинин заранее приготовленную фразу заранее же приготовленным и вчерашним вечером разученным перед зеркалом проникновенным голосом, когда вдова, усевшись на диване и усадив подле себя детей, посмотрела на него. – Если бы можно было изменить прошлое, я бы не допустил повторения этого. Я каждый день, поверьте мне, проклиная себя за эту случайность, и со своей стороны сделаю всё возможное, чтобы помочь вам.

«Театрально слишком», – подумал он про себя, несколько взволновавшись.

– Как же вышло, что вы... ну... сбили, – проговорила женщина робким и вздрагивающим голосом, снизу вверх умоляюще глядя ему в глаза.

– Я поздно ночью возвращался с работы, ехал на зелёный свет, а девочка, Марина (при упоминании имени дочери женщина вздрогнула, моргнула расширенными глазами и как от толчка отстранилась назад), она дорогу перебежала. Заметить, поверьте, нельзя было.

– А следовательно говорил, вы пьяны были, – тем же робким голосом сказала мать.

– Нет, был праздник у нас... в офисе, я выпил стопку. Даже норму не превысил.

Она с волнением, но безо всяких признаков агрессии, так что даже странно было, смотрела на него. «Видела ли запись?» – подумал он. И сказал: – Там, на видеозаписи видно, что я пытался затормозить. Вы видели, наверное как машину развернуло – там ведь гололёд был, метель.

– Ах, не видела я этого. – сказала она, резко махнув своей тонкой сухой рукой. Её подбородок вдруг начал дёргаться, и все лицо приняло плаксивое выражение. – Мне и представить даже страшно, я как в тумане в тот день... Ведь Мариночка-то как мать, как мать была вот им, – сказала она, беря за руки болтающую ногами девочку и мальчика, который, нахмурясь, глядел в угол. – Ведь я что, я пьяница, алкоголичка, какая мать из меня? А она, Мариночка, и в школу их разбудит, и в школу отведёт, и в магазин сходит, всё она, она! И за мной приберёт, и квартиру вымоет, и поможет детям уроки делать. Если бы не я, не я, то, может быть...

Она расплакалась обильными тяжёлыми слезами, беззвучно всхлипывая.

– Мама, не плачь! – тихо и серьёзно сказала девочка, подняв на мать свои огромные синие глаза. Мальчик нахмурился ещё больше и сделал движение рукой, вырываясь от матери.

Грудинин подсел ближе, не зная и не решаясь как поступить – то ли начать словами утешать её, то ли молча положить ей руку на плечо. Она отпустила детей, которые, встав с дивана – сначала мальчик, затем – оглядываясь на мать – девочка – по очереди вышли из комнаты.

– Я ведь и до прошлого года не работала, впроголодь жили, – продолжала она когда ушли дети, глухим голосом, закрыв лицо ладонями. – Марина и газеты продавала, и в долг брала, и бутылки собирала. Девочка моя ничего в своей жизни не видела. Ходила, бедняжка моя, как оборвыш, во всём старом, чужом. И хоть Сашенька, сестра моя, её тётка, помогала, а то бы и вовсе не знаю как она бы... И всегда, знаете, – громче сказала она, всхлипывая и руками вытирая лицо. – Всегда со школы придёт весёлая, с портфельчиком своим огромным, и всё довольная, всё бегаёт, помогает. Прошлой зимой-то и шубейки у ней не было, в старом пальтишке ходила. Всё дразнили её ребята, а она мне и говорит: «Мамочка, не переживай, я закаляюсь».

«Да, как Буренин говорил – нищету плодить. – думал про себя Грудинин, чувствуя какое-то странное раздражение, собирающееся в нем. – Любит плакаться, жалеть себя, дай только повод. Все это – лишь бы не работать, делом не заниматься. И что она нарядила детей, зачем торжественность вся – чтобы в слёзы сразу, и одним махом порушить всё это?»

– Пьянь, пьянь я подзаборная, а девочка, девочка моя, отличницей была... Я тут одна виноватая, если бы не я...

Посреди этого рассказа прозвенел звонок, толкнулась видная из гостиной незапертая входная дверь, и в прихожую вошла низкая полная женщина в зелёном плюшевом пальто и в высокой заячьей шапке с помпоном.

– Наташа, ну что? – крикнула она из прихожей визгливым голосом, но, заметив гостя – тут же умолкла. Энергичными движениями размотала на шее шерстяной шарф, уложила шубу в угол и, вбежав в гостиную, как свой человек в доме, уселась без церемоний на застонавший пружинами диван.

– Это моя подруга – Лена Костина, с детьми мне помогает, – продолжала говорить Иванова всё тем же сорванным голосом, не меняя однажды взятую интонацию. – Я и старалась справиться, – продолжила она после короткой паузы, – но что поделаешь, ну не могу я, всё пью и пью.

И она снова расплакалась.

– Да и не очень-то ты пьёшь, – только войдя, с разбегу бросилась на её защиту Костина, взявшись за края юбки и с усилием обтягивая ей свои полные колени. – В последнее время и не притрагиваешься.

– Если бы я...

– Ну а когда в последний раз было? Ну сама посчитай? Месяц назад у Санаевых свадьбу отмечали? А до того что? Карцевы приходили? Да то уже месяц назад было. А тогда, когда с Мариночкой-то случилось, и не было там ничего, Сашка-то сама попросила детей забрать. Так что вот, – сказала она, оглядываясь на гостя. – А Вы-то что? – Заговорила она, обращаясь уже полностью к Грудинину. – Сбили, неаккуратно ездили, а что теперь? Вы в тюрьму, а девочки-то уже и нету. А знаете что за девочка-то была? Знаете, какая девочка? Олимпиады выигрывала, во дворе в волейбол играла, умница, отличница. Ну? Ну что вы?

– Я со своей стороны всё сделаю, – растерянно заговорил Грудинин.

– Или откупиться думаете? Думает, купил машину, деньги есть и всё позволено? Пьяный был что ли?

– Я уже рассказал всё Наталье Николаевне, – произнёс Грудинин, с трудом сдерживаясь от раздражения. – Собственно, я приехал заглядеть свою вину, предложить посильную помощь. Знаю, что ребёнка не вернуть, я готов понести наказание, но хотел бы хотя бы немного...

– Ну-ну, – произнесла Костина, смерив его надменным взглядом.

Этот взгляд чрезвычайно раздражил его. «Хабалка рыночная, наглая баба, – подумал он про себя. – Главное – сдержаться, перетерпеть, перетерпеть это».

Он сидел, глядя то на Костину, то на Иванову, вытиравшую красное от слез лицо и, казалось, полностью погрузившуюся в себя.

– Так что ты о помощи-то говорил? – сказала Костина своим визгливым голосом.

– Я готов предложить со своей стороны сумму, которая в моих силах, и которая...

– Что за сумму-то?

– На первое время я хотел бы предложить триста тысяч рублей.

– И что? Чтобы тебе она подписала (она сделала жест как будто пишет на ладони), что ты ни в чём не виновен? Ты это не подписывай, Наташ, не подписывай, – сказала она, обращаясь к Ивановой.

– Я, со своей стороны, не требую никаких обязательств, я понимаю ваше горе... – сказал Грудинин, глядя только на вдову и только к ней обращаясь.

– Не надо мне ваших денег, – глухо ответила та, не поднимая голову.

Некоторое время сидели молча.

– погоди, Наташ, ты всё же не горячись, подумай о детях, о Машке с Артёмкой, – наконец, зашептала Костина, нагнувшись к уху Ивановой. – В школу-то Машка в следующем году, с чем пойдёт-то? А Лодыгиной чем отдашь за похороны?

Вяло попротестовав, мать, видимо, только для того, чтобы её оставили в покое, согласилась взять деньги. Грудинин разложил перед ней на столе шесть пачек, по пятьдесят тысяч рублей в каждой. Он заранее придумал этот ход – взять купюры помельче, по пятьсот рублей, чтобы сумма казалась внушительней. Но на вдову разложенные перед ней деньги, составлявшие, вероятно, две её годовые зарплаты, никакого впечатления не произвели. Она сложила пачки одну на другую и положила бы их в сервант, на видное место, если бы Костина не шикнула на неё. Только тогда она убрала деньги в шкаф. Разобравшись с этим, пошли на кухню. Костина, видимо, привыкшая как дома распоряжаться тут и знавшая где что лежит, достала с полки чашки и стала резать принесённый с собой большой кремовый торт. Дети, до того смиренно с печальными лицами сидевшие, глядя на плачущую мать и на странного молчаливого гостя, отвлеклись на торт и начали ссориться из-за какого-то лучшего, с розой, куска. Грудинин хотел улучшить момент и поговорить с вдовой наедине, но увидев, что это из-за близости Костиной не получится, отказался от чая и сказав, что спешит, извинился и вышел в коридор.

«Вот дурак же, – говорил он про себя, вдевая сильными резкими движениями ноги в ботинки, и руки – в рукава пальто. – Триста тысяч отдал, а подпись не взял. Из-за этой хабалки не поговорить с ней». Он вышел на лестничную клетку и, нажав на сожжённую кнопку, вызвал лифт. Но, когда двери раскрылись перед ним, он не вошёл в кабину. Постояв некоторое время на площадке, он повторил себе слова про триста тысяч, решительно сжал губы и, нахмурившись, твёрдым шагом вернулся в квартиру.

Дверь была не заперта. Размышляя как поступить – то ли пойти сразу к вдове, то ли оставить ей номер телефона, он некоторое время простоял в прихожей. Наконец, решив сделать второе, достал ручку и начал записывать на визитке кроме своего, напечатанного номера, номер адвоката. В этот момент дверь в кухню, из-за которой доносились звуки детской ссоры, утишаемой визгливыми начальственными окриками Костиной открылась, и в прихожую вышла, вытирая платком глаза, бледная как тень вдова.

– Не ушли ещё? – равнодушно спросила она Грудинина, глядя сквозь него.

– Нет пока, – ответил он. – Я ещё вернусь, деньги вам привезу.

Она, не сказав ни слова, прошла мимо него в комнату и закрыла дверь. Грудинин, несколько секунд помедлив, собрался с силами и шагнул за ней. Она лежала на диване, поджав костлявые ноги под себя, уткнувшись лицом в шерстяную подушку и тихо плакала, судорожно всхлипывая. Он подошёл и осторожно тронул двумя пальцами её туго обтянутое ситцем рубахи горячее плечо.

– Наталья Николаевна, – тихо сказал он, переступая с ноги на ногу. – Вы извините, что беспокою вас ещё раз. Я бумаги должен вам дать подписать.

– Что это? – спросила она, поднимаясь на кровати, вытирая тыльной стороной ладони одной руки глаза, а в другую беря поданные расправленные бумаги.

– Мировое соглашение.

Она взволнованно посмотрела на него поверх документов своими заплаканными красными глазами. Но как-то вдруг, сразу успокоилась, решительно взяла ручку и, часто, словно на бегу дыша, торопливо поставила везде, где ей было указано, длинные угловатые росчерки.

– Уйдите, наконец, оставьте меня в покое!

Грудинин, прошептал благодарность и с постным соболезнающим лицом, но со смеющимися глазами мягким пружинистым шагом вышел из комнаты.

VIII

Прошло около месяца, и до суда оставалась неделя. За это время Грудинин совершенно успокоился, и уже даже не каждый день думал о предстоящем разбирательстве. Он окончательно убедился, что волноваться нечего, что все необходимые, обычные для таких случаев процедуры пройдены, и остаётся только ждать улаживания последних формальностей. Кроме многих неотложных вопросов, скопившихся за последнее время, пока он занимался процессом, было ещё одно важное дело – восстановление водительских прав, которых после происшествия его лишили. Это надо было делать не в Москве, а в другом регионе, и Грудинин через знакомых нашёл сотрудника полиции, который за три тысячи долларов обещал ему выдать права в Сергиевом Посаде. Этот человек, которому была передана тысяча задатком, вскоре позвонил и попросил его приехать к нему в отделение. Съездив утром за правами и встретившись с весёлым толстяком-полицейским, Грудинин выпил с ним в кафе водки с сибирскими пельменями, и уже днём был в Москве. Зайдя в свой магазин и понаблюдав за ходом ремонта там, он, все ещё навеселе, вспоминая рассказанный ему полицейским анекдот про лыжников, заблудившихся в лесу, вернулся в офис. «Хорошо живёт, – думал он, вспоминая пухлое, красное и круглое как наливное яблочко, здоровое лицо полицейского. – Деньги сами льются, даже лучше, чем под ногами валяются. Если под ногами, то хоть нагибаться надо, а этому сами приносят и на стол кладут, и принять упрашивают. А ты тут бегаешь, пашешь как конь». Подходя к своему офису, ещё издали, на фоне светлой стены дома он увидел согнутую, взад-вперёд ходящую фигуру, показавшуюся ему по походке знакомой. И действительно, подойдя ближе, он узнал Сашу, который, в пальто с поднятым воротником, с раскрасневшимся на морозе злым лицом, ходил, согреваясь, чётким шагом из стороны в сторону.

– Саша! – крикнул ему Грудинин. – Чего нужно?

– Тебя нужно, – угрюмо просипел Саша, исподлобья глянув на Грудинина. – Трудовую забрать.

– Так позвонил бы сначала, – сказал Грудинин, хлопнув рукой по карману, где был телефон.

– Номер твой не отвечает. А жена твоя сказала, что здесь ты.

Грудинин достал свой телефон – тот действительно был выключен.

– Да, забыл зарядить. Ну, заходи.

Саша прошёл в открытую дверь, и Грудинин, беззвучно одними губами повторяя, чтобы не забыть, анекдот, прошёл за ним. Он повесил пальто, и сел в своё большое кожаное кресло. Кресло, весь день простоявшее в неотапливаемой комнате, промёрзло, и он, почувствовав это спиной, первым делом нащупал на столе при выключенном свете пульт от обогревателя и запустил его. Саша стоял в дверях, не раздеваясь, а только расстегнув несколько верхних пуговиц пальто, и обеими руками держал шапку.

– Садись, поищу сейчас твою трудовую, – сказал Грудинин, включая причудливой формы лампу из богемского стекла. – Что раньше не забрал?

– Не хотел приходить.

– А-а-а-а, – протянул Грудинин, вспоминая теперь подробности ссоры с Сашей. – Обижался что ли? Поговорка есть: мужик на барина злился, а он и не знал. Знаешь?

– Ты мне не барин, – угрюмо сказал Саша.

– Ну не барин и не барин. – Грудинин достал из кармана ключ и, отперев замок верхнего ящика стала, стал перебирать документы. – Вот книжка твоя. Смотри – написал – «по собственному желанию». А мог бы и по статье уволить за концерт этот твой.

– Спасибо, – сухо сказал Саша, подходя и беря книжку.

– А то, может, зря уходишь. Работу другую нашёл себе уже?

– Нет.

– Ну смотри. Я зла не держу, работник ты хороший, а я пока никого не взял.

– К тебе бы я не пошёл, да и куда к тебе, если ты... – начал Саша и запнулся.

– Что я?

– История эта... С аварией.

– А, слышал уже. Ну и что? – спросил Грудинин, иронично улыбнувшись.

– Как что? В тюрьму сядешь теперь.

– Кто это сказал тебе? Никуда я не собираюсь.

Саша удивлённо и растерянно взглянул на него.

– Что, откупился? – уже твёрже сказал он, засунув руку в карман и словно бы ища там что-то.

Это движение, на которое тогда он не обратил внимания, теперь снова, уже в который раз припомнилось Грудинину.

Он, ничего не ответив, лукаво улыбнулся на вопрос Саши.

– Получается, никакого наказания тебе не будет?

– Ну почему, будет наказание, я даже понёс его уже. Соразмерное вине и, как бы это лучше сказать... общественному положению.

– Какое же это наказание?

– Ну ты тут про деньги говорил. Да и нервы, время.

– И это что, все? Там ребёнок погиб, а ты – «нервы, время!» – с негодованием почти прокричал Саша.

– Не ори, – спокойно сказал Грудинин. Ему всё интереснее было наблюдать за Сашей. «Вот я шаблон-то ему порву. Главное – драться бы не полез», – подумал он.

– А что это, – уже тише, но также твёрдо сказал Саша. – Что это означает – ну это – про общественное положение?

– Что? Ну то – каждому своё наказание, по Сеньке и шапка.

– То есть – тебя вот так отпускать, а кого-то... ну там кто булку хлеба украл, того...

– Того сажать, – вместе с Сашей хором закончил Грудинин предложение деланно-серьёзным тоном, но продолжая иронично улыбаться.

– И это – справедливо?

– Вполне, – сказал Грудинин, падая в кресло и делая головой круговое движение, чтобы расслабить затёкшую шею. После выпитой водки и ощущения хорошо сделанного дела ему приятно было теперь самодовольно пофилософствовать. – Так уж общество устроено – каждому воздаёт так, чтобы не повредить себе. Тут принцип саморегуляции действует. Вот я – полезный ему человек, уважаемый, состоятельный. А погибшая? Знаешь, из какой она семьи? Вот давай без формальностей, со здоровым цинизмом, – сказал он, ребром ладони расслабленным солидным движением ударяя по столешнице. – Положим, выросло бы из неё что-то, но, скорее всего, пила бы как мать. От осины не родятся апельсины. Но это и не важно. Есть свершившийся факт – девочки больше нет. И ради чего меня наказывать? Я понимаю, если бы я был психом и специально сбил её – это понятно, наказанием меня общество защищало бы себя. Но я сбил случайно, и этого, разумеется, не повторю. Так для чего? Остаётся одно – удовлетворить мстительность этой тётки – её матери. Получается в сухом остатке – ты следишь за моей мыслью – получается, что меня, человека, принёсшего немало пользы обществу и способного ещё её принести, запрут за решётку ради тупых амбиций какой-то алкоголички? Ну и где справедливость?

– А как же закон?

– Закон, Саша, как геометрия. Вот записано в учебнике – линия длиной двадцать сантиметров. А ты попробуй начерти такую линию – сможешь? Нет, обязательно выйдет на миллиметр-другой больше или меньше, и прямая будет не прямая, а кривая. Да даже примени ты

самое точное в мире оборудование – и тогда будет хоть на миллиардную долю, а неровность. Теория – одно, а практика – другое. И это с материалами, свойства которых хорошо изучены. А что – с людьми? У каждого свой характер, взгляды свои, да, в конце концов...

– Так что, – перебил его Саша натужным мальчишеским голосом, багрово покраснев. – Это значит, что ты можешь кого хочешь, детей убивать, когда тебе вздумается?

– Ну, если бы я любил детей убивать, то был бы психом, и никогда не добился бы своего нынешнего положения, – сказал Грудинин, ладонями слегка прихлопнув по лакированной столешнице. – Опять же – естественная регуляция. Но, в принципе, да, право такое у меня есть. Помнишь разговор наш о социальном дарвинизме? Ты говорил тогда, что это чушь – и вот тебе пример из жизни, кто сильнее, тот оказался и...

Он не успел договорить. Послышался звук с грохотом опрокинувшегося стула, и Саша, сбрасывая на пол бумагу и предметы, через стол кинулся на Грудинина. Но тот предвидел это движение. Быстро вскочив с кресла, он отшагнул в сторону, и когда молодой человек, упав на пол, попытался подняться, ударил его ногой в живот. Саша, кажется, не чувствуя боли, поднялся и снова кинулся к Грудинину, стараясь достать рукой до его лица, но тот, толкнув его, повалил на землю и несколько раз ударил ногой по рёбрам и лицу.

«Сильнее, сильнее надо было бить», – сжимая зубы, повторял он теперь, в автозаке, с удовольствием вспоминая эту сцену. Саша, с кровавым подтёком под глазом, искажённым гримасой боли лицом, полусогнувшись и держась руками за живот, смотрел на него.

– Ты... ещё увидишь... – выговорил он, задыхаясь.

– Что? В полицию пожалуешься? – спросил Грудинин, криво улыбаясь и также тяжело дыша. – И что ты им скажешь?

– Да что бы я ни сказал, ты ведь и там всех купишь?

– Да, куплю, а ты – нищесбродом был и будешь, – резко сказал Грудинин. – А ну – вон отсюда убрался!

Саша, застёгивая дрожащими пальцами пальто пошёл из кабинета. На пороге он задержался и, обернувшись, зло и пристально, как будто запоминая его, посмотрел на Грудинина.

IX

Гроза разразилась через день. Первые её молнии засверкали на горизонте ещё следующим вечером, когда Грудинин был на работе, и в замечательном настроении занимался составлением товарного каталога. Когда он вернулся, жена встретила его на пороге бледная и взволнованная, комкая полотенце в красных, распаренных от мытья посуды руках.

– Лёша, тебе из газеты звонили, – чуть слышно, одними губами прошептала она, вопрошающе глядя на него.

– Из какой ещё газеты?

– Газета «Труд». Александр Данилкин. Свой телефон оставил.

– И что говорил?

– Попросил дать комментарий по твоему делу уголовному.

– А ты что?

– Сказала, что тебя нет.

– Ну всё правильно сделала.

Он разделся, снял ботинки и вдел ноги в домашние тапочки. Уже открывая дверь своей комнаты, чувствуя на себе взгляд жены, обернулся к ней.

– Ну что разволновалась? Это, видимо, для какой-нибудь хроники. Они составляют список происшествий, вот и позвонили.

Он так был уверен в том, что ему нечего опасаться, что и сам, даже не сделав попытку отыскать другое объяснение, поверил тому, что первым пришло ему на ум. И, через пять минут когда он, умывшись в ванной, намазав лоб лосьоном и туго перевязав вышитый пояс поверх домашнего турецкого халата, вышел на кухню к ужину, он уже не помнил ни о какой газете.

Следующим утром к нему в офис, ударом распахнув дверь, вбежал Буренин.

– Алексей, что это там такое? – взволнованно сказал он, быстро подавая ему руку. По его красному хмурому лицу и необычно быстрым, угловато-напряжённым движениям, Грудинин понял, что случилось нечто необычное.

– Мне сегодня утром Леонидов звонит, – сказал Буренин, в расстёгнутом пальто плюхаясь в кресло и бросая на стол свою бобровую шапку. – Говорит, едет по Дмитровке, а по радио про твоё дело рассказывают, про договор наш с ним. Ну не конкретно про него, там имя не фигурировало, но сам факт, факт! И все подробности, и про тебя, и про ДТП с указанием фамилий, деталей.

– Да что такое? – спросил Грудинин, сердито глянув на него, и взглядом прерывая его сумбурную речь. – Ты по пунктам, конкретно объясни, что случилось.

– В общем, есть какая-то запись в интернете, – отдышавшись, сказал Буренин. – Я не разбираюсь в этом всё, но, якобы там кто-то – ты или не ты, – кто-то в общем говорит о подробностях дела. И какие-то там заявления: мол, что хочу, то и ворочу, имею право детей убивать и всё такое. Я не понял ни черта. Подробно расскажи мне – с кем, когда, во сколько ты говорил об этом?

– Да ни с кем я не говорил. Чертовщина это какая-то.

– Ну, может, слышал кто-то случайно как ты по телефону с кем говорил? Лёша, вспоминай, вспоминай.

Грудинин опустил голову и, нахмурившись, задумался.

– Ну? – нетерпеливо сказал Буренин.

– Нет, не знаю я ничего, – сказал Грудинин, вспоминая тут же пришедший ему в голову разговор с Сашей.

Буренин вскочил и, схватив со стола свою шапку, пошёл к двери.

– Короче так: я сейчас еду в «Славянку» на Китай-городе, знаешь? Встречаюсь с Леонидовым. А ты пока вспоминай. Если что, я позвоню тебе, и подгребай тогда. Понятно?

Только Буренин вышел за дверь, Грудинин достал из портфеля ноутбук.

Найти информацию большого труда не составило, она уже была в первых строчках новостей «Яндекса». Он прошёл по одной из ссылок и прочёл статью под названием: «Водитель, насмерть задавивший ребёнка: у меня есть право убивать».

«В интернете появилась аудиозапись беседы с бизнесменом Алексеем Грудининым, якобы виновником ДТП на Ярославском шоссе, повлекшем гибель ребёнка и ускользнувшем от внимания СМИ. На записи слышно, как Грудинин рассуждает о законе как о „теории, не применимой на практике“ и говорит о том, что „в принципе имеет право убивать детей“. Он также считает, что уже понёс наказание, потратив деньги и время на внеправовое урегулирование последствий своего поступка. В настоящий момент пост собрал несколько тысяч комментариев. Блогер Александр Саушкин, пишущий в ЖЖ под ником gankovetz, сделавший и разместивший запись, представился бывшим помощником Грудинина. По его сведениям его бывший шеф уже успел договориться с правоохранительными органами о прекращении дела. В ГУВД Москвы подтвердили факт ДТП, но от дальнейших комментариев отказались».

Грудинин прошёл по ссылке, указанной на сайте, и обнаружил сообщение, с подробностями описывающее происшествие, а также содержащее аудиозапись их последней с Сашей беседы. Тогда он впервые припомнил то его движение рукой в кармане... В немом ступоре, механически прокручивая колесо мыши, он читал сообщения под записью. Кроме ругани и мата не было ничего. «На фонарях их вешать надо», «На кол эту мразь», «Как всегда в поганой Рашке полицаи продались за двадцать копеек» – один за другим читал он комментарии. Наконец, как будто опомнившись, остановился, встал с кресла и молча, широким шагом прошёлся по тёмному кабинету. Задержавшись возле стола, он взял с него серебряную зажигалку и стал щелкать её эмалированной крышкой. Надо было что-то делать. Но что?

«В первую очередь нужно понять – насколько это опасно. Может быть завтра и не вспомнят уже. А если вспомнят, то что? Денег больше дать? Или как?» – растерянно думал он. Посредине этих мыслей, когда он медленно закрывал крышку зажигалки, с напряжённым вниманием, как к чему-то важному прислушиваясь к её тугому щелчку, ему пришло в голову, что решить проблему очень просто – надо позвонить Саше, заставить его убрать запись и написать, что это была шутка. Он уже шагнул к столу, и, бросив зажигалку, потянулся к телефону. Но вдруг вспомнил последнюю строчку в сообщении – «В ГУВД подтвердили факт ДТП», и остановился.

«Ну даже уберёт он сообщение, – думал он, замедляя движение руки над столом, и вместо того, чтобы взять телефон, кулаками упираясь в столешницу. – Уберёт – и что? Только хуже будет – узнают, что я давлю на него. Информация уже есть, теперь её будут проверять. Нет, надо залечь на дно и ждать».

Через час позвонил Буренин.

– Ну, что Леонидов? – спросил его Грудинин.

– Пока, вроде, колеблется, но не спрыгивает. Я убедил его, что нет ничего особенного.

Но тебе от него досталось.

– А насчёт новостей этих?

– Да ерунда. Я так посмотрел со смартфона – где-то на радио попало, где-то на ленты агентств. Но скандала пока нет. – Он помолчал некоторое время и сказал после паузы. – Слушай, а что это за история? Что ты там рассказывал-то этому... этому...

– Саше. Да он родственник мой. Кто же знал-то?

– Да уж, Павлик Морозов...

– Да.

– Всё равно, несерьёзно, Алексей, – сказал, помолчав, Буренин.

... Уже на другой день стало казаться, что скандал утих. Под запись, которую Грудинин заходил просматривать каждые несколько минут, появлялось все меньше комментариев. На новостных лентах новых сообщений также не было. На звонки журналистов он не отвечал, и ближе к вечеру они перестали поступать.

Но он ошибался – пожар только разгорался. Вечером сюжет об аварии показали по телеканалу «РЕН-ТВ», посвятив ему сюжет на пять минут, с фотографиями погибшей девочки и интервью заплаканной матери, которая рассказала в подробностях о визите Грудинина. Этим же вечером, ещё в то время, когда сюжет был в эфире, Леонидов, позвонив Буренину, отказался от участия в деле.

Но это было ещё не всё. Самое страшное началось когда в интернете вдруг появилась видеозапись из уголовного дела, на которой был виден и момент аварии и то, как Грудинин толкает ногой девочку. За несколько дней её посмотрели почти два миллиона человек. Сюжет вышел в эфир всех федеральных каналов, ситуацией заинтересовалась Общественная палата, и несколько депутатов Думы отправили запросы о ходе расследования в прокуратуру и суд. Две съёмочные группы дежурили возле дома Грудинина, и ещё одна машина телевизионщиков стояла у подъезда офиса. Давление становилось невыносимым, и Грудинин сорвался. Прежде он игнорировал звонки журналистов, теперь же начал отвечать на них. По делу он не говорил ни слова, а вместо того ругался с ними, выспрашивал – откуда у них его контактные данные, на каком основании они беспокоят его и лезут в его частную жизнь. Он и в самом деле был возмущён и чувствовал себя жертвой. Не зная, что делает глупость и даёт лишний информационный повод журналистам, не слушая предупреждений Буренина, он направил несколько обращений в правоохранительные органы с просьбой защитить его от давления СМИ и с требованиями объяснений по факту того, как запись из уголовного дела попала в общий доступ. Внимание к делу только усилилось и, наконец, получилось то, чего он боялся больше всего – дело вместо Леонидова, по которому началось служебное расследование, передали другому судье.

Этот судья, Герасименко, оказался желчным стариком с вялыми, дрожащими руками, жёлтым лицом, хищным ястребиным носом и блестящими острыми глазами, подозрительно глядящими из-под скошенного лба. Уже с первых моментов он показал себя формалистом, и заседание, которое должно было длиться не больше часа, из-за каких-то неверно заполненных бумаг растянулось на три. Буренин, оставшийся после заседания поговорить с новым судьёй, вышел от него красный, мокрый и злой. Герасименко не согласился на пересмотр ни одного из спорных моментов, а на намёки Буренина о сотрудничестве даже пригрозил арестовать его на трое суток.

Начались длинные, нудные заседания, опросы свидетелей, сбор доказательств... Неприятности следовали одна за другой – то оказывался вдруг в деле новый свидетель, наблюдавший аварию из своего окна житель соседнего дома, то появлялись проблемы с заключением экспертов, и производились уточнения, бесконечные поправки и исправления. Хватаясь за соломинку, Буренин делал отчаянные попытки договариваться со свидетелями, старался запутать их показания. Оттягивая время в надежде на прекращение информационной волны, засыпал суд десятками запросов и уточнений. Все возможные связи Грудинина были использованы, но безрезультатно. Прежде, до огласки, его окружение воспринимало новость о случившемся с ним спокойно. Почти никто не осуждал его, везде было понимание. Были даже особенно сочувствовавшие ему Елсуков и Сидихин, которые в вечер задержания позвонили и предложили помощь и деньги. Был и Шохин, с которым некогда случилась похожая история – на машине, пьяный, он сбил и покалечил велосипедиста, и который встречался с ним и давал юридические советы, притом отпуская циничные шутки относительно погибшей девочки. Теперь же, когда *происшествие* стало широко известно, от Грудинина отворачивались как от прокажённого. Почти все, кому он звонил, или под разными предлогами отказывались помогать ему, или прямо заявляли о том, что не хотят иметь с ним ничего общего.

Начались беды и на работе. Без объяснения причин уволилась продавщица в магазине, и на её место была нанята другая – первая пришедшая по объявлению узбечка, едва понимавшая по-русски. Грудинин измучался, объясняя ей самые простые правила торговли. Помимо того, Чадыш, сосед по магазину, владевший наравне с ним половиной торговых площадей, начал интересоваться – не хочет ли Грудинин свернуть свой бизнес, предлагая при этом бросовые отступные за товар и арендную плату. Неожиданно зачастили санитарные и пожарные инспектора, находившие прежде не замеченные недостатки, и требуя денег, которых становилось меньше и меньше. Все эти несчастья не были случайностью. Он чувствовал, что конкуренты и чиновники слетаются к нему как стервятники к ослабшему пустынноку, пользуясь его слабостью, рвать его на куски. Но пока он ещё отбивался от них – работал до ночи, разбираясь с бумагами, спорил с чиновниками и писал на них жалобы, устраивал скандалы и грозил конкурентам судами.

Ещё один мощный удар он получил в воскресенье. Весь день он пробыл на встрече с Бурениным, обсуждая с ним обстоятельства дела и возможный отвод судьи, на который он возлагал большие надежды. Буренин развеял эти надежды, принеся новости о том, что в случае отвода судьи, его место скорее всего займёт другой, славящийся ещё более жестоким отношением к подсудимым судья Бережко. Он долго и со множеством подробностей, видимо, довольный случаем продемонстрировать свою осведомлённость во всём, что касается уголовного делопроизводства, рассказывал любопытную историю о том, как этот судья дал двенадцать лет человеку за педофилию на основании косвенных свидетельств, как тот повесился в камере, и как после была установлена его невиновность. Со встречи Грудинин вернулся поздно ночью. Выйдя из лифта он заметил, что дверь в квартиру приоткрыта, и из щели на неосвещённую лестничную площадку падает полоса света. Думая, что в дом забрались воры, он достал газовый пистолет, который всегда носил в портфеле, и на цыпочках прошёл в прихожую. Следов беспорядка, обычного в таких случаях, на первый взгляд не было. Он вошёл на кухню, и на столе увидел прижатый солонкой тетрадный лист, исписанный крупным почерком жены.

«Алексей, – писала она. – Я устала от жизни с тобой, от твоей постоянной лжи. Ты измучил меня своей подлостью. Ты не тот человек, за которого я выходила, изменилась и я. Я старалась понять тебя, но не смогла. Теперь уже не могу и терпеть тебя. Для нас обоих будет лучше, если мы расстанемся. Прощай».

С запиской в трясущейся руке он стоял несколько минут, растерянно оглядываясь вокруг, не в силах осознать, принять в себя происшедшее. Не то чтобы жена была дорога ему – в последнее время их общение почти сошло на нет, а после происшествия он и вовсе перестал замечать её. Но её уход стал последней каплей, переполнившей чашу его отчаяния. Он сорвался. Вместо занятия насущными, жизненно необходимыми делами, связанными с процессом и бизнесом, он принялся за поиски жены – звонил её подругам, отцу – старому школьному учителю, не любившему зятя и не одобрявшему выбор дочери, ездил к Маргарите на работу. И везде – упрашивал, умолял, унижался. Так человек, дом которого охвачен пожаром, в последней отчаянной попытке спасти своё имущество вырывается из удерживающих его рук соседей и пожарных – невольных свидетелей происшедшего, кидается в огонь и, рискуя жизнью, выносит из пламени какое-нибудь старое ненужное пальто. То же было и с Грудининым. Однако, жену он так и не нашёл. Её отец в своём обычном с ним презрительном тоне отказался отвечать ему, подруги не знали – где она теперь, не появлялась она и на работе. Он, наконец, сдался и прекратил поиски.

X

Время шло, дела становились всё хуже, и Грудинин всё больше погружался в мрачное, угрюмое состояние безысходности. Целыми днями сидел он перед компьютером, изучая форумы и сайты. Сетевое сообщество разделилось на два лагеря – больший – осуждавший его, и гораздо меньший – одобрявший. Но хотя мнений, оправдывавших его, было мало, Грудинин, встречая их повсюду, присматривался к ним, жадно перечитывал и запоминал их. Эти мнения были такие, что Грудинину – богатому человеку, просто завидуют бедные, что виновата мать, отпустившая ребёнка ночью, что за рулём пьют все, и покажите того, кто хоть раз не выпил, и т. д. Всё это казалось очень верным и убедительным Грудинине, а, кроме того, читая дневники этих людей, он и их самих находил симпатичными. Всё это были, как он догадывался по их рассказам и суждениям, люди успешные, предприимчивые и умные, сходных с ним, Грудининым, взглядов. Ему казалось, что мнение этих значительных людей, стоящих высоко над толпой (как он всегда ставил себя) должно быть влиятельнее мнения завистливых неудачников, которые осуждают его, и что это мнение в конечном итоге восторжествует. Он радовался этому как непреложному факту, прямо следующему из логики, и целые дни подряд ходил в приподнятом настроении. Но вдруг читал газетную или сетевую публикацию, в которой об его случае вскользь говорилось как о деле, на которое есть общепринятая осуждающая точка зрения, и это опять разрушало все надежды и погружало его в апатию.

Вообще, напряжение последнего времени сказалось на нем так, что у него как будто вовсе не стало обычных чувств, все они приняли какой-то неестественный, утрированный вид. У него, к примеру, не бывало обычной радости, а было какое-то умопомрачительное животное счастье, в котором он забывал себя и свои беды, и мир заливался для него яркими красками. Но стоило пройти этому состоянию, и возвращалось отчаяние, вдвое более тяжёлое и полностью поглощавшее его. И снова – серый свет вокруг, и – безысходность, и – холодная, мертвящая тоска. Мир его сузился до обшарпанных стен, скрипящих дверей, затоптанных полов и грязных диванов районного суда. Надменные, высокомерные голоса полицейских, отдающие короткие, быстрые команды, исступлённый вой женщин, рёв детей, униженные просьбы осуждённых. И преступники: одни – зрелые, серые, сухие и другие – юные, иногда почти дети, испуганные и беспокойные. Разбитые лица потерпевших, сломанные ноги, бинты, костыли, аптечный запах. И – жёлтое, восковое лицо судьи, пристально смотрящего из-под очков своим блестящим взглядом. В этой круговерти зла и отчаяния промелькнуло мимо Грудинина одно видение, в котором – он не мог впоследствии отделаться от этой мысли – что-то логичное, закономерное было. Слово какое-то пророчество было явлено ему в нем. Случилось это перед предпоследним заседанием, после которого уже назначено было оглашение приговора. Грудинин сидел в коридоре, в ободранном кресле, дожидаясь Буренина, оспаривавшего приобщение к делу документа обвинения. и наблюдал за женщиной лет тридцати пяти, с сухим измотанным лицом, в сером свитере с растянутыми рукавами, сидевшей со своим сыном – шалуном лет шести, который, раскрасневшись и пыхтя, отвинчивал колесо у игрушечной машины. На другом конце коридора слышались вдруг брань и матерщина, перебиваемая диким, неестественным хохотом. Поймав и посадив на руки ребёнка, женщина отвернулась в сторону. Грудинин глянул туда, откуда доносились звуки, и увидел двух полицейских, которые тащили, крепко держа с обеих сторон, упирающегося, сопротивляющегося, невразумительно и хрипло кричащего человека, видимо, по какому-то делу приведённого в суд бомжа. Что-то жаленькое, одновременно же – уродливое и до отвращения отталкивающее было в этой фигуре. Не ясно было даже – мужчина это или женщина, но чем ближе подходила процессия, тем понятнее было, что ведут именно женщину. Она была в разодранном плаще, под которым, кажется, не было никакой одежды кроме грязного, посеревшего белья. Грудинин ещё издали почувствовал

исходящий от неё запах испражнений и немытого тела. Что-то, впрочем, знакомое показалось ему в этой фигуре и чем ближе была она, тем пристальнее он вглядывался в неё. Когда полицейские подошли совсем вплотную, Грудинин встал с места и сделал шаг по направлению к ним. Женщина в этот момент захрипела что-то нечленораздельное и откинула назад голову, убирая от лица сбившиеся в колтун волосы. Грудинин глянул на её опухшее, синее лицо и она вдруг, замолчав на половине звука, посмотрела на него. На секунду в её безумном взгляде появилось осмысленное выражение – она узнала его. Несколько мгновений они внимательно смотрели друг на друга.

– Лена! – негромко, но отчётливо, и – как будто невольно произнёс он.

Один из полицейских быстро окинул его взглядом и, увидев хорошо одетого человека, не решился сразу оборвать его.

– Лена! – ещё громче сказал Грудинин.

– Что надо, отойди! – крикнул на него другой полицейский, зло глянув на своего напарника. Они вместе потащили женщину дальше. Но она уперлась пятками в пол.

– А я тебе, я тебе! – хрипела она, вырываясь от своих конвоиров и оглядываясь на Грудинина. – Гад, сволочь! Сво-о-олочь! Мать, за ма-а-а-ть ответишь!

– Да заткнись, – отозвался один из полицейских, коротко и быстро двинув ей кулаком в живот.

– Же-е-нщину бьют, му-у-жчины же-е-е-нщину бьют! – закричала она, сложившись от удара пополам, хрипя, захлёбываясь и глотая воздух, и всё пытаясь оглянуться назад. – Мужчины-ы-ы-ы!

Грудинин на ослабленных, в один миг отяжелевших ногах отошёл в угол и, не глядя по сторонам, опустился в кресло. Ему как-то тяжело и душно стало.

«Что она говорила? Мать? Что там с ней? Как она изменилась так... как это вышло... за пять месяцев? Здесь, за что её? – в странной растерянности перебирал он беспорядочно приходящие на ум мысли, словно отыскивая что-то. – Как? Знала, что... что ли?»

Он глубоко вздохнул, предельно напрягая вместе с тем мышцы груди и рук, и этим сосредоточением усилий замедляя вихрь мыслей, крутящихся в голове. Это удалось.

Он вернулся на своё место, и минут десять сидел молча, напряжённо глядя на стену перед собой, и хрустя пальцами.

– С вами всё в порядке? – спросил его вдруг чей-то голос.

Он медленно моргнул глазами, не отводя взгляда от стены.

– Гражданин, с вами всё в порядке? – настойчивее повторил тот же голос.

Он не ответил. Кто-то докоснулся рукой до его плеча, и только тогда он, опомнившись, поднял голову. Перед ним, с подозрением глядя ему в лицо, прямо стоял молодой длинный полицейский лейтенант.

– Всё хорошо с вами? – спросил он.

– Да, да, я в порядке – хрипло ответил Грудинин. – Я задумался, извините.

Полицейский, ещё раз окинув его подозрительным взглядом, ушёл. Грудинин шумно выдохнул, поднялся и тяжёлым шагом прошёлся из конца в конец по длинному коридору. Физическое напряжение движения окончательно вытеснило напряжение умственное. Он несколько успокоился, расслабился, и постепенно снова обрёл свободу мысли. Он вспомнил о текущих делах, о Буренине, который должен был подойти с бумагами, и постарался припомнить – что это за бумаги, и каково их значение для дела. Но между этих рассуждений мелькала, как свет между елей в ночном лесу, одна мысль. Он старался избежать её, сопротивлялся ей, но она была всё ближе и ближе, ярче и ярче, и, наконец, заслонила собой всё.

Это была странная, уродливая, и в то же время на удивление естественная мысль.

«А ведь странно будет, если я после этого все-таки выиграю своё дело», – подумал он.

XI

– Вставай, приехали! – крикнул кто-то над его ухом и он, открыв глаза, понял, что уже нет ни дребезжания двигателя, ни тряски, и автомобиль стоит на месте. – Давай быстрее, – повторил тот же голос. Он поднял глаза на говорившего, но из-за яркого после темноты автозака света из открытой двери не увидел его. Заслоняя свет, заключённые один за другим протискивались к выходу. На улице уже слышались их перешагивания по скрипящему снегу и хрипловатые после долгого молчания голоса.

– Начальник, ну пять секунд покурить, ну ехать же сутки, – различил Грудинин один умоляющий голос среди общего гомона.

– Строиться давай иди, – ответил ему усталый и высокомерный голос конвойного. Грудинин приподнялся на месте, и, не удержавшись на затёкших ногах, спиной повалился на стенку, так что машину качнуло из стороны в сторону. Привстал снова, расправляя затёкшие руки и ноги – он и не заметил, что последние полчаса не двигаясь просидел в одной позе. В дверной проём заглянуло усатое энергичное лицо майора, командира конвоя.

– Ну что, не выходишь что ли? Помочь тебе? Сейчас помогу, – крикнул он Грудинину. – Ефимов, ну-ка поднимись, вытащи его!

Грудинин быстро, насколько позволяли силы, переставляя ставшие ватными ноги, пошёл к выходу, чтобы не упасть расставив руки и кончиками пальцев касаясь то одной, то другой стены фургона. На лестнице он столкнулся с огромным краснолицым Ефимовым, который, в кепке набекрень и сделав зверское лицо, уже ухватился обеими красными руками за облезлые поручни возле двери, намереваясь влезть внутрь.

– Что? Вышел? В строй давай! – крикнул он Грудинину, спрыгивая на землю и энергично встряхивая руками, оправляя задравшиеся рукава бушлата. – Пошёл, пошёл!

Пройдя мимо молодого, со свежим розовым лицом и пушком под губой конвойного, державшего тонкой рукой за поводок огромную овчарку, рвавшуюся и скалившуюся на заключённых, Грудинин через жирную грязь подошёл к строю. Арестантов вызывали по двое, и в сопровождении конвойных отводили к столыпинскому вагону, где их встречали другие конвойные и разводили по маленьким купе с двухэтажными койками и клетками вместо дверей. Грудинину достался в пару маленький худой заключённый, в металлических очках, с красными глазами и белобрысый, всем своим видом похожий на белую мышь. Он, шёл, весь наклонившись вперёд, словно обессиленный, с висящими как плети вдоль тела руками, пугливо озираясь по сторонам. Едва конвойный закрыл за ними решётку, он взобрался на верхнюю полку, и сразу заснул. Двое других заключённых, приведённых в купе, усевшись рядом, завели о чём-то тихий разговор, видимо, продолжая беседу, начатую в автозаке. Грудинин лёг на свою койку, чрезвычайно жёсткую и холодную, с одним матрасом, накинутым на металлический каркас, и замер.

...Этот краткий миг, встреча в суде с Леной отчего-то не выходил у него из головы. То ли так сказало напряжение последнего времени, то ли она задела в его душе какие-то, прежде молчавшие струны – этого он разобрать не мог. Так или иначе, впечатление, ей произведённое, было грандиозно. Буренину, приехавшему в суд с какими-то новыми бумагами от экспертов, он ничего не сказал. Но, слушая, как адвокат объясняет то, что значилось в этих бумагах, какие-то уточнения и дополнения к показаниям одного из свидетелей, который, согласно новым данным экспертизы, не мог видеть из своего окна дорогу в момент происшествия, он продолжал думать об этой встрече. Энергичный и быстрый, несколько визгливый, как у всех толстяков голос Буренина, обычно успокаивающий Грудинина, теперь раздражал его, и он, сославшись на головную боль, отправился домой.

Зайдя в квартиру, он сразу прошёл в спальню и, не включая света, не раздеваясь, как обессиленный, сном повалился на свою огромную кровать, своими размерами теперь отчего-

то раздражившую его. И пролежал больше часа – без чувств и мыслей, в каком-то странном, накрывшем его с головой оцепенении. Ему вдруг захотелось выпить, он встал, и, дойдя до секретера, нащупал в нем бутылку. Первой ему попала бутылка года два назад подаренной кем-то дорогой, китайской или вьетнамской, с золотой печатью коллекционной водки. Прежде он любил прихвастнуть ей перед знакомыми. Теперь же безразлично откупорил её как открыл бы любую другую, и, не закусывая, выпил одну за другой несколько стопок. Тяжело, грязно пьяный, он просидел несколько часов в темной комнате, навалившись локтями на колени и как клещами стиснув ладонями голову. Около четырёх утра он вышел в прихожую и, накинув пальто, отправился на улицу. Он не знал куда и зачем идёт, не помнил ни своих чувств, ни мыслей – даже сейчас, в вагоне, везущем его в колонию, ему было странно и жутко вспоминать это состояние. Отчётливо представился ему только один момент – проходя мимо блестящей под жёлтым светом фонаря в сугробе лужи, засыпанной белым, выпавшим ночью крупным февральским снегом, он почувствовал, что его глаза застилаются туманом от выступивших слёз, и вдруг зашептал, сбиваясь и обрываясь, не в силах высказать и понять свою мысль, что-то о чистоте и свежести. И в самом деле, ему как будто всем сердцем захотелось какой-то чистоты. Он шёл, кажется, куда глядят глаза, не разбирая дороги, но совсем не удивился тому, что через два часа оказался на Ярославском шоссе, возле дома Ивановых. Возле двери споткнувшись и завалившись в огромный, осыпавший его с ног до головы снегом куст, он вошёл в подъезд и по ступеням, не вызывая лифта, поднялся на девятый этаж. Некоторое время безмолвно стоял перед дверью, не решаясь позвонить. Он не знал, что будет говорить вдове, и как в тумане, видел одну картину – её в том же цветастом платье, в котором она была во время последней их встречи, и себя – что-то быстро и убедительно объясняющего ей. Эта сцена как-то странно успокаивала его. Но только он поднял руку чтобы нажать кнопку звонка, как вдруг словно бы увидел себя со стороны. Он опомнился, какой-то холодный ужас, никогда прежде не испытанный, охватил его. С поднятой рукой он замер, напрягшись всем телом, ощущая колющий холод на белках расширенных глаз и чувствуя, что от напряжения грудных мышц ему тяжело стало дышать. С трудом сбросив это ощущение, он сорвался с места и с грохотом побежал вниз по ступеням. На одном из пролётов так же резко, как побежал, остановился, словно осмысливая что-то. Взял в руку первое, что попало ему – какую-то банку или стакан, бывший на подоконнике, и некоторое время стоял с ним в руке, остановившись взглядом смотря сквозь него. Пришёл он в себя только услышав на лестнице шаги, напряжённое дыхание и почувствовав остановившийся на нём чей-то удивлённый взгляд. Он одёрнул себя, поставил на место стакан, и пошёл вниз по ступеням. Дальше был – теряющийся за чёрными, быстро бегущими облаками жёлтый месяц в туманном ореоле света, грязные лужи, мокрый снег, набившийся в ботинок, который не хотелось, и как будто не было сил выбивать. Всё это раздражало его, и чем ближе он подходил к своему дому, тем больше раздражения, переходящего уже в какую-то беспредельную, странную ярость, скапливалась в нём. Зайдя в квартиру, он, не раздеваясь, пошёл на кухню. Методично, размеренно, словно делая важную, полезную работу, сорвал с петель ящики и сбросил на пол телефон и телевизор. Затем посреди устроенного разгрома сел на стул и несколько часов сряду сидел молча, слушая стук крови в голове, удерживая себя от движения, и в этой насильной неподвижности находя странное ядовитое наслаждение.

XII

День оглашения приговора, несколько раз отложенный сначала благодаря стараниям Буренина, находившего в деле новые факты, затем – по просьбе прокурора, искавшего возражения на эти факты, был, наконец, утверждён и назначен на первое марта. Грудинин встретил этот день совершенно спокойно. То смятение, в котором он пребывал, незадолго до того прошло совершенно. Этому помог психологический приём, который он изобрёл, и к которому приучил себя. В один из редких «восходов» (так он называл про себя моменты спокойствия и оптимизма), он постарался запомнить всё, что было связано с этим состоянием, сопутствовало ему – образы, картины, звуки, и научился усилием воли воспроизводить его, тем самым успокаивая себя. В один из ярких, особенно запомнившихся ему «восходов» он читал в журнале статью о парусной регате, растрогавшую его тем, что она напомнила ему детскую поездку с отцом в Ялту. Эту картину он вспоминал чаще других. И хотя по-настоящему этот выдуманный приём помогал только в первые дни, и вскоре опротивел ему до того, что он испытывал животное отвращение к образам яхт, чаек и искрящегося моря, которые в сине-белом тумане вместе с писком в голове вставали перед ним – отвращение, доходившее иногда до слабости в теле и рвотных позывов, но внешне он оставался спокоен.

Рано утром Буренин, опрятный, в выглаженном костюме, с сияющим красным лицом и причёсанными на пробор редкими волосами, позвонил в дверь. Внешность адвоката, его быстрые суетливые движения, энергичный голос, которым он расспрашивал его о том, готов ли он к суду, и запомнил ли что надо говорить, и теперь, как бывало раньше, внушили Грудинину ощущение того, что в деле ещё не всё потеряно и может обернуться к лучшему. Это ощущение продолжалось довольно долго, он приободрился и по дороге даже пошутил о чём-то с Бурениным. Но чем ближе они подъезжали к суду, тем сильнее прежнее состояние безысходности овладевало им. Возле здания суда их встретили несколько приставов в форме, и провели сквозь кричащую и сверкающую фотовспышками толпу журналистов, многих из которых Грудинин уже много раз видел и знал в лицо.

Зал заседаний был длинной светлой комнатой, в одной половине которой, вдоль стены, располагалась огороженная низким деревянным бортиком металлическая клетка, окрашенная чёрной, ещё пахнущей краской, с привинченной к полу узкой металлической скамьёй возле стены. На возвышении находилась трибуна судьи с позолоченным и тускло блестящим государственным гербом на торце и креслом с высокой бордовой кожаной спинкой. Большую же часть зала занимала зона для зрителей, уставленная несколькими рядами коричневых откидных кресел. В той её половине, которая была возле клетки, устраивались журналисты. На штативах уже стояли пять или шесть камер и два оператора безрукавках, встав на колени, переругиваясь, резкими движениями распутывали затоптанные толстые кабели. При появлении Грудинина в зале началось оживление. Журналисты со своими камерами и микрофонами окружили его со всех сторон, а зрители, бывшие в зале, встали с мест и, поднимаясь на носках, старались разглядеть его за их двигающимися спинами. Один из фотографов, невысокий лысый мужчина в джинсовом костюме, круглых металлических очках и с обстриженной бородкой, энергично, на полусогнутых ногах подбежал к Грудинину и, встав перед ним на корточки, осветил его лицо такой сильной вспышкой, что тот на мгновение перестал видеть. Пристав, стоявший у двери, молодой, весь угловатый человек с угрюмым бескровным лицом, начал проворными движениями открывать дверь клетки, гремя ключами. И, глядя на его серую шею над сдавливающим её белым воротником рубахи и слыша треньканье задевающих клетку ключей, Грудинин, оглушённый вопросами, со всех сторон обращёнными к нему и ослеплённый фотовспышками, почувствовал желание забыться и ни о чём не думать. Усевшись на холодную скамью, он поставил локти на колени и закрыл ладонями лицо, стараясь стать как можно незаметнее,

скрыться от звуков движения в зале, вспышек фотокамер и серьёзных, деловых, ничего не выражавших и как будто не имеющих по отношению к нему никакого собственного мнения лиц журналистов. Главное же он боялся встретиться взглядом со вдовой, которую успел уже по её синему плащу узнать в зале.

Между тем началось хорошо известное и вместе с тем малопонятное ему действо – выяснение формальностей между адвокатом и судьёй, перекалывание бумаг с места на место, ссоры о чём-то адвоката с прокурором. Судья в своей обширной чёрной мантии то уходил из зала, то возвращался обратно за какой-то важной папкой. Свидетели то объявлялись, то пропадали снова. Раза два начиналась перепалка между приставом и фотографами, старавшимися перешагнуть через деревянный бортик и ближе подойти к решётке. Наконец, порядок был наведён и заседание началось. Слово получили адвокат и прокурор. Первым выступил прокурор – высокий молодой капитан с добрым прыщавым лицом, в новом синем форменном костюме, плотно облегающим его длинную согнутую фигуру. Читая по бумаге хорошо известное Грудинину требование максимального наказания, он старался быть серьёзным, но, видимо, нахождение в центре внимания доставляло ему большое удовольствие, и дёргающаяся улыбка то и дело растягивала его тонкие губы. Стараясь остановить эту улыбку, он сдвигал брови, делал длинные паузы, прочищал горло, и из одной дрожащей руки в другую брал свои бумаги. После него выступил Буренин, который обычным своим, заискивающим перед судьёй голосом, больше глядя на него, чем на публику, попросил для своего клиента оправдания. Выслушав всё это, судья поднялся с места, объявил о том, что суд удаляется на совещание, и широкими шагами вышел из зала в расположенную за спиной его кресла дверь кабинета. Вернувшись через несколько минут и встав за трибуну, он подал знак приставу, стоящему у двери. Тот, вытянувшись по стойке смирно, громко произнёс осипшим голосом:

– Встать, начинается оглашение приговора!

Все присутствующие поднялись с мест. Судья строго оглядел зал поверх очков, убеждаясь, что никто не нарушает молчание. Затем, удерживая обширный рукав мантии, медлительным движением взял со стола красную кожаную папку с выдавленным на обложке двуглавым орлом и, шурясь на, видимо, раздражавшие его фотовспышки, лишённым интонации скрипучим голосом начал читать, переворачивая длинными жёлтыми пальцами мелованные листы:

«Именем Российской Федерации.

11 ноября 20** года, примерно в 3 часа 05 минут, на Ярославском шоссе в городе Москве произошёл наезд автомобиля «БМВ», регистрационный знак Е 875 АС 90, под управлением Грудинина Алексея Андреевича на пешехода Иванову Марину Анатольевну две тысячи первого года рождения, которая скончалась вследствие полученных ранений в больнице номер сорок города Москвы. Грудинин А. А. не предпринял необходимых мер для спасения жизни несовершеннолетней Ивановой М. А., скрывшись с места происшествия.

Суд заслушал показания свидетелей – Бакушева И. Е. и Семенова О. А., ознакомился с показаниям экспертов, данными трасологической экспертизы и приложенными к делу видеоматериалами.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 264, 265-й, 307-й УПК РФ, суд постановил по совокупности преступлений, путём частичного сложения наказаний приговорить Грудинина Алексея Андреевича к пяти годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии общего режима. Приговор может быть обжалован в суде высшей инстанции.

Подсудимого взять под стражу в зале суда».

– Подсудимый, вам понятен приговор? – спросил судья, подняв свои припухшие глаза на Грудинина.

– Да.

– Есть вам что сказать в последнем слове?

– Нет, – ответил Грудинин, ничего не чувствуя и не понимая, слыша только шум крови в ушах. Пристав снова начал отпирать решётку, возясь с гремящими ключами, и Грудинин, с напряжённым вниманием следя за быстрыми и проворными движениями его пальцев, на секунду потерял сознание. Очнувшись, ничего не видя перед собой в разноцветной пелене, вставшей перед глазами, он почувствовал как кто-то приблизился к нему, быстро и энергично задышал на ухо, бесцеремонно, как тряпичную куклу, дёрнул за плечо, и защёлкнул наручники на запястьях.

– Арестованный, встать! Идите прямо. Вперёд, по коридору, – услышал Грудинин незнакомый ему встревоженно-хриплый голос.

В зале началось движение, люди поднимались со своих мест и проходили к выходу. Какой-то седой мужчина среди зрителей подняв руки над головой энергично и звонко захлопал в ладоши, несколько человек в разных концах зала вразнобой вторили ему. Ещё кто-то неуклюже, сорвавшись на букву «ша», присвистнул.

– Можно Павлу Афанасьевичу (судье) задать несколько вопросов? – слышал Грудинин за своей спиной голоса журналистов.

– Будете подавать апелляцию? – крикнул кто-то ещё.

– Пустите, на два вопроса!

– Всё, всё, всё! – напряжённым голосом отвечал на всё это пристав, расставив руки и не пуская журналистов.

...Дальше была последняя беседа с адвокатом, передача последних поручений и т. д., и, наконец, отъезд в следственный изолятор. Главным ощущением первых моментов после объявления приговора было облегчение: пытка неопределённостью, продолжавшаяся несколько месяцев, теперь окончилась. Заключение, которого он боялся и желал избежать, стало очевидным фактом. Что ждёт его там? Какой будет его новая жизнь? Ответов на эти вопросы он не знал и страшился их. В голову лезли разнообразные, где-то виденные и слышанные истории о бандитах, пресс-хатах и надзирателях, но так разнообразны они были, и так многочисленны, что из них нельзя было вынести ничего точного и строго определённого. Кроме того, собраться и успокоиться ему мешал тот самый вопрос, который на протяжении этих страшных двух месяцев с начала скандала и нового процесса мучил его..

«Как так вышло, – думал Грудинин, переворачиваясь на жёсткой койке в столыпинском вагоне и особенно внимательно прислушиваясь к визгливому звуку заскрипевших под ним нар, – как вышло, что все мои убеждения, все взгляды не оправдались, и меня, состоятельного, сильного человека вопреки законам жизни и здравому смыслу осудили и отправили за решётку?»

Его самого удивляла банальность этой мысли, особенно потому, что по первому впечатлению, ощущению, он как будто ясно понимал происшедшее. Но только он начинал разбирать его, осмысливать с точки зрения своих взглядов и жизненного опыта – и это понимание исчезало. Первым приходящим на ум ответом было то, что он всю жизнь ошибался относительно законов, управляющих человеческим обществом, и оно живёт не по законам дарвинизма, а подчиняется каким-то другим, пока не понятным им странным законам. Но это он сразу отбрасывал. Мало того, что был жизненный опыт, многократно подтверждавший правоту дарвинизма, но он видел и судивших его. Судья, как он знал из многих источников, был взяточником, прежде много раз выносившим несправедливые приговоры, прокурор, очевидно, был карьеристом (Грудинин вспомнил его улыбку во время чтения обвинения), журналисты хотели от процесса только сенсаций, и за время следствия замучили не только Грудинина, но и мать погибшей девочки, которую, как он слышал, своими бестактными вопросами они довели однажды до слёз. Нечего было говорить и о политиках, возмущённо требовавших в выступлениях и официальных запросах в следственные органы расправы над ним. Все эти люди, гнавшие его теперь, – все они были *как он*, все жили и добивались успеха в жизни в соответствии с хорошо

знакомыми ему законами естественного отбора. Более того, каждый из них, оказавшись он в ситуации Грудинина, и действовал бы в точности как он. И вместе с тем какая-то таинственная и могущественная сила заставляла их вопреки логике, здравому смыслу, а в некоторых случаях, возможно, вопреки собственной воле, преследовать его. Грудинин чувствовал эту силу, но не понимал её, и подставлял на её место то общую жалость к девочке, то зависть и ненависть толпы к богатым людям, – но всё это было не то.

Рассуждая так, и в этих рассуждениях ни придя ни к каким выводам, он пролежал несколько часов. Расслышались, проступили сквозь вой и стон мыслей и усилились звуки – стук колёс, прищёптывающий храп соседа сверху, и где-то далеко – визг качающейся на петлях двери. Он опомнился, приподнялся на локтях и огляделся вокруг. Заключённые спали, тусклый свет наступавшего утра пробивался сквозь зарешеченное окно, за которым мелькали то обнажённые ветви леса, то тускло блестящие жестяные крыши какой-то деревеньки. Поезд замедлялся, подходя к станции. Послышались крики конвоиров, загремели по коридору тяжёлые шаги подбитой металлом обуви.

– Всё, к чертям размышления! Теперь главное – выжить, – оборвал себя Грудинин.

Выводили строиться.

... В колонии всё было так, как он представлял себе: колючая проволока, лай собак, крики охранников: «На колени!»

Приведённых с этапа обыскали, раздев донага, побрили, вымыли в бане и, обеспечив одеждой – черными арестантскими костюмами (робами), распределили в карантинные камеры. Затем был инструктаж пожарных, режимных сотрудников, медицинский осмотр. За всем этим время прошло незаметно. Через два дня конвойный, зайдя в камеру, вызвал Грудинина, чтобы перевести его в тот отряд, в который он был определён.

Пройдя несколько пахнущих сыростью и хлоркой коридоров, они вышли на улицу, и через огромный пустой двор, засыпанный скрипящей под ногами галькой подошли к длинному одноэтажному зданию из белого кирпича и с пятью зарешеченными тёмными окнами. Конвойный, шедший первым, отворил металлическую дверь, окрашенную синей, везде ободранной краской, и впустил Грудинина внутрь.

ХІІІ

Едва Грудинин вошёл в помещение, как началось движение на нарах, сопровождаемое сиплым скрипом пружин, и несколько мгновений он чувствовал на себе взгляды десятков пар глаз, любопытно и внимательно изучавших его. Стараясь не обращать внимания на эти взгляды, он как можно равнодушнее оглянулся по сторонам. В тридцатиметровом, длинном и узком бараке со скрипучими дощатыми полами было темно при пяти маленьких зарешеченных окнах и сыро. В спёртом воздухе пахло потом, копчёной колбасой и табаком. На спинках расположенных в четыре ряда двухъярусных кроватей висела одежда, какие-то мешки и баулы, и оттого в узких проходах между нарами становилось ещё теснее. Одни арестанты лежали одетые на неразобранных койках, другие читали, третьи играли в нарды или шашки, по-турецки сидя на кроватях друг против друга. Мимо Грудинина прошёл на носках, осторожно удерживая дымящуюся банку кипятка обеими руками за дно и у горлышка какой-то лысый старик, раздетый до пояса, с костлявой грудью, густо поросшей седыми волосами и впалым дряблым животом.

– Чифирить будешь, Семёныч? – окликнул его кто-то насмешливым густым басом.

– Не, я не чифераст, кофейком побалуюсь, – не оборачиваясь ответил тот тонким дребезжащим голоском.

Глядя на этого старика, видимо, бывшего тут объектом общих насмешек, двое сидевших на ближней от входа койке арестантов, игравших в нарды, громко одновременно рассмеялись.

– Ну что стоишь-то, здороваться пошли! – услышал Грудинин над ухом обращённый к нему голос и, оглянувшись, увидел высокого круглолицего парня лет двадцати пяти, в заломленной набок, так что она едва держалась на его бритой голове, арестантской кепке. – Смотрящий побазарить хочет.

Грудинин прошёл за ним в угол камеры, к первой у стены койке. Главный авторитет барака, смотрящий – широкоплечий мужчина, с чёрными округлостями под выцветшими голубыми глазами, сплюснутым сухим носом сидел на кровати в накинута на плечи робе, подложив под себя одну ногу, скрестив на груди руки и устало запрокинув назад голову, так что она касалась стены. Какой-то полный, с двумя подбородками, сложенным складками затылком человек лет пятидесяти, в брюках, шлёпанцах и белой майке что-то с энергичным возмущением объяснял ему, нагнувшись, насколько позволяла ему его комплекция, вперёд, вытянув шею и делая частые круговые жесты щепотками пальцев перед грудью.

– Нет, нет, Ефимыч, – подойдя, услышал Грудинин. – Мне оно надо что ли? Я там итак оставил полтинник, чего он гонит-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.